В. Ѳ. Дерюжинскій

Профессоръ С.-Петербургскаго Университета.

ВЫДАЮЩІЕСЯ АНГЛІЙСКІЕ ДѢЯТЕЛИ

XIX ВѢКА.

ХАРАКТЕРИСТИКИ БРАЙСА.

Лордъ Биконсфильдъ.—Гладстонъ.—Парнель.—
Гринъ.—Фриманъ.—Лордъ Актонъ.

ИЗДАНІЕ
Юридическаго Книжнаго Склада „Право“.

Министерства Иностранныхъ Дѣлъ
БИБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. акц. общества „Слово.“ Ул. Жуковскаго, 21.
1904.

IX 50
5056

ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
„ПРАВО“.
С.-Петербургъ, Загородный пр., д. № 2.

ИЗДАНІЯ СОБСТВЕННЫЯ И ПОМѢЩЕННЫЯ НА СКЛАДѢ:

МЕЛКАЯ ЗЕМСКАЯ ЕДИНИЦА Сборникъ статей К К Арсеньева, В. Г. Бажаева, П Г Виноградова, В М Гессена, І. В Гессена, Г. Б. Іоллоса, М. М Ковалевскаго, Н. Е Кудрина, Н И Лазаревскаго. М К. Лемке, барона А Ф Мейендорфа, М Н. Покровскаго, В. Ю. Скалона, О Солнердаля, В. Д Спасовича и И. М Страховскаго. Приложеніе: А. Д. Градовскій—Всесословная мелкая единица. Изданіе 2-ое переработанное и дополненное. 1903 г. Цѣна 2 р. 50 к.

МЕЛКАЯ ЗЕМСКАЯ ЕДИНИЦА въ 1902—1903 г г. Выпускъ 2-ой. Сборникъ статей С. М Блеклова, І В Гессена, М Й Гиполитова и Г Н Шрейдера 1903. Цѣна 1 р. 50 коп.

ГЕССЕНЪ, В. М. Вопросы мѣстнаго управленія. 1904 Ц 1 р. 50 к.

АРСЕНЬЕВЪ, К К Законодательство о печати 1903 Ц. 1 р. 25 к.

ШРЕЙДЕРЪ, Г И. Наше городское общественное управленіе. Этюды, очерки и замѣтки. т І. 1902 г Цѣна 2 р.

МИШЕЛЬ, А Идея государства Критическій очеркъ исторіи соціальныхъ и политическихъ теорій во Франціи со времени революціи 1903 года. Цѣна 2 руб. 50 коп. въ перепл 3 руб

КУЗЬМИНЪ КАРАВАЕВЪ, В Д. Военно уголовное право 1895 г. Цѣна 2 р 50 к

— **Пресѣченіе способовъ уклоненія отъ суда и слѣдствія.** 1902 г. Цѣна 40 коп

ЖИЖИЛЕНКО. А А. Подлогъ документовъ. Историко - догматическое изслѣдованіе 1900 г Цѣна 4 р.

НАБОКОВЪ, В Д Учебникъ русскаго уголовнаго права Кн. І—ІІ 1903 г. Ц 2 р. (въ перепл.)

ГЕРЦЕНШТЕЙНЪ, М Я. Харьковскій крахъ. По поводу процесса о злоупотребленіяхъ въ харьковскомъ земельномъ и торговомъ банкахъ, съ приложеніемъ судебнаго отчета 1903 г. Цѣна 75 к.

— **Кредитъ для земствъ и городовъ.** 1892 г. Цѣна 75 к.

МАРГУЛІЕСЪ Регламентація и свободная проституція. 1903 г. Цѣна 50 к.

ШАЛЛАНДЪ, Л. В Юридическая природа территоріальнаго верховенства. Историко-догматическое изслѣдованіе, т І. 1903 г. Цѣна 2 руб.

РОКЗЕНЪ, Ф Движеніе общественной мысли во Франціи въ XVIII вѣкѣ (1715—1789). 1902 г. Цѣна 2 р. 60 к. въ переплетѣ 3 руб

ФИЛИППСОНЪ, М. Религіозная контръ-революція во Франціи въ XVI вѣкѣ. Цѣна 2 р 60 к., въ перепл. 3 р

ДЖЕФСОНЪ. Г. Платформа, ея возникновеніе и развитіе. Исторія публичныхъ митинговъ въ Англіи 2 тома. 1901 г. Цѣна каждаго 2 руб. 70 коп., въ переплетѣ 3 руб

ФЮСТЕЛЬ де КУЛАНЖЪ. Исторія общественнаго строя древней Франціи, томъ І. Римская Галлія. 1901 г. Цѣна въ переплетѣ 3 руб.

В. Ѳ. Дерюжинскій

Профессоръ С.-Петербургскаго Университета

ВЫДАЮЩІЕСЯ АНГЛІЙСКІЕ ДѢЯТЕЛИ XIX ВѢКА.

ХАРАКТЕРИСТИКИ БРАЙСА.

Лордъ Биконсфильдъ.—Гладстонъ.—Парнель.—Гринъ.—Фриманъ.—Лордъ Актонъ.

ИЗДАНІЕ

Юридическаго Книжнаго Склада „Право".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Спб. акц. обществ „Слово". Ул. Жуковскаго, 21

1904.

5450

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 5 декабря 1903 г.

Выдающіеся англійскіе дѣятели XIX вѣка.

Въ ряду современныхъ англійскихъ писателей Джемсу Брайсу принадлежитъ одно изъ видныхъ мѣстъ какъ по силѣ литературнаго таланта, такъ и по степени глубины мысли и основательности въ разработкѣ тѣхъ разнообразныхъ предметовъ, которые привлекали къ себѣ его вниманіе. Однимъ изъ первыхъ научныхъ произведеній Брайса (род. въ 1838 г.) явилась интересная монографія о Священной Римской Имперіи („The Holy Roman Empire, 1862 г."), доставившая автору извѣстность не только въ Англіи, но и на континентѣ. Позднѣйшія сочиненія его относятся главнымъ образомъ къ области исторіи права и учрежденій, преимущественно политическихъ. Особенное вниманіе обратило на себя капитальное изслѣдованіе Брайса объ Американской республикѣ (1888 г.),

которое вскорѣ же было переведено на многіе европейскіе языки (въ томъ числѣ и на русскій), и которое, по общему признанію, является наиболѣе глубокимъ и всестороннимъ анализомъ учрежденій великой заатлантической республики. Почетное мѣсто въ научной историко-юридической литературѣ должно быть удѣлено и двухтомному собранію „Этюдовъ“ („Studies in History and Jurisprudence“), которое появилось два года тому назадъ. Большая часть этихъ этюдовъ (особенно по вопросамъ развитія римскаго и англійскаго права, а также объ естественномъ правѣ) представляетъ собою результатъ научныхъ изысканій Брайса, какъ профессора по каѳедрѣ гражданскаго права въ Оксфордѣ, которую онъ занималъ съ 1870 до 1893 г.

Въ 1880 г. Брайсъ былъ избранъ членомъ парламента; въ послѣдующіе годы занималъ, въ кабинетахъ Гладстона, должности товарища министра иностранныхъ дѣлъ (1886 г.), канцлера герцогства Ланкастерскаго (1892 г.) и министра торговли (1894 г.). Политическая дѣятельность Брайса, занявшаго очень вліятельное положеніе въ средѣ либеральной партіи и сохраняющаго это положеніе до сихъ поръ, также отразилась въ его научно-литературныхъ работахъ, особенно въ нѣкоторыхъ изъ его недавнихъ „этюдовъ“, посвященныхъ политическимъ вопросамъ.

Кромѣ названныхъ трехъ капитальныхъ изслѣдованій Брайсомъ изданы двѣ монографіи смѣшаннаго политическаго и этнографо-географическаго характера, представляющія собою результатъ его путешествій Одна посвящена Закавказью („Transcaucasia and Ararat“), которое Брайсъ посѣтилъ въ 1876 г, при чемъ въ четвертомъ изданіи этой книги онъ написалъ дополнительную главу о новѣйшей исторіи армянскаго вопроса. Другая трактуетъ объ Южной Африкѣ („Impressions of South Africa“, 1897 г.); написанная до англо-бурской войны, книга эта подъ вліяніемъ послѣдней выдержала нѣсколько изданій, при чемъ въ третьемъ изданіи Брайсъ прибавилъ новую главу о событіяхъ, приведшихъ къ кризису 1899 г.

Выступающая изъ приведенныхъ данныхъ разносторонность Брайса получила новое яркое выраженіе въ послѣднемъ произведеніи его, вышедшемъ въ свѣтъ въ началѣ 1903 г., подъ заглавіемъ „Studies in Contemporary Biography“ (изданіе фирмы Macmillan; стр. 487) Книга эта представляетъ собою серію мастерски написанныхъ литературныхъ портретовъ выдающихся англійскихъ дѣятелей XIX вѣка. Въ составъ ея вошли двадцать очерковъ, изъ которыхъ наиболѣе интересными по содержанію являются характеристики политическихъ дѣятелей: лорда Биконсфильда, Гладстона, Парнеля, графа Кэрнса, Стаффорда Норзкотта

(графа Иддеслей) и виконта Шербрука (болѣе извѣстнаго подъ именемъ Роберта Лоуэ). Второе мѣсто по степени интереса можно отвести очеркамъ, посвященнымъ характеристикѣ трехъ извѣстныхъ историковъ—Грина, Фримана и лорда Актона. Въ дальнѣйшихъ этюдахъ Брайсъ даетъ портреты нѣсколькихъ выдающихся церковныхъ дѣятелей (архіепископа Кентерберійскаго Тэта, кардинала Маннинга, епископа Фразера и декана Вестминстерскаго аббатства Стэнли), двухъ профессоровъ-философовъ Томаса Гилль Грина и Генри Сиджвика, судебнаго дѣятеля (сэра Джесселя), богослова (Вилльяма Робертсона Смита), романиста (Троллопа), журналиста (Эдвина Годкина) и педагога (Эдуарда Боуена). Всѣхъ изображенныхъ имъ лицъ, кромѣ лорда Биконсфильда, Брайсъ зналъ лично, а съ нѣкоторыми, напримѣръ, Гладстономъ, историкомъ Гриномъ, лордомъ Актономъ, его связывали близкія дружескія отношенія.

Въ предисловіи авторъ подчеркиваетъ, что на эти очерки не слѣдуетъ смотрѣть какъ на біографіи, хотя бы и въ миніатюрѣ. „Моею задачею было скорѣе анализировать характеръ и дарованія каждаго изъ лицъ, мною изображаемыхъ, и по возможности передать то впечатлѣніе, какое каждый производилъ въ повседневной жизни“. Автору вполнѣ удалось достигнуть задачи, которую онъ поставилъ себѣ: его очерки совершенно свободны

отъ біографической сухости пересказа фактовъ изъ жизни того или другого лица и представляютъ собою въ полномъ смыслѣ литературные портреты изображаемыхъ имъ дѣятелей.

Нижеслѣдующіе очерки знакомятъ читателей съ характеристиками трехъ наиболѣе выдающихся политическихъ дѣятелей—лорда Биконсфильда, Гладстона и Парнеля и трехъ историковъ—Грина, Фримана и лорда Актона.

I.

Лордъ Биконсфильдъ.

„Когда въ 1881 году умеръ лордъ Биконсфильдъ, — такъ начинаетъ Брайсъ свою характеристику,—мы всѣ желали бы знать, что будутъ думать о немъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ. Взгляды на него рѣзко расходились, и мы спрашивали себя, неужели онъ и впослѣдствіи останется загадкой; неужели тѣ противорѣчивые взгляды, которые сложились по отношенію къ его стремленіямъ, его идеямъ, къ источникамъ его силы, и впредь будутъ раздѣлять людей просвѣщенныхъ и приводить въ недоумѣніе профановъ?“

Когда онъ умеръ, многіе почитали его какъ глубокаго мыслителя и какъ возвышенную личность, одушевленную искреннимъ патріотизмомъ. Для другихъ—вѣроятно, столь же многихъ — онъ былъ просто „циничный шарлатанъ“, который, всю жизнь стремясь только къ личному успѣху, не

допускалъ, чтобы на пути къ удовлетворенію его ненасытнаго тщеславія становились сознаніе общественнаго долга или какія-либо гуманныя чувства. Остальные не знали, что и думать о немъ: они чувствовали въ немъ присутствіе силы, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣли и нѣчто отталкивающее и не могли понять, какимъ образомъ человѣкъ, столь черствый и беззастѣнчивый, могъ пользоваться такою преданностью и внушать такую покорность.

Прошло болѣе двадцати лѣтъ со времени смерти Дизраэли. Немного осталось въ живыхъ людей, бывшихъ личными друзьями его, и никого не осталось изъ его личныхъ враговъ. Настало время, когда можно войти въ обсужденіе его личности и въ оцѣнку его дѣятельности безъ риска быть заподозрѣннымъ въ партійныхъ чувствахъ или въ партійныхъ побужденіяхъ.

Прежде чѣмъ приступить къ ближайшему анализу интересной личности Дизраэли, Брайсъ отмѣчаетъ вкратцѣ важнѣйшіе факты его жизни и политической дѣятельности.

Дизраэли родился въ Лондонѣ въ 1804 году. Его отецъ, Исаакъ Дизраэли, былъ видный литераторъ, получившій широкую извѣстность, въ особенности книгою „Curiosities of Literature“. Еврей по происхожденію (предки его жили въ Испаніи и Италіи, откуда семья Дизраэли переселилась въ Англію около 1748 г.), онъ однако по-

рвалъ связи со своими единоплеменниками и вращался въ интеллигентномъ кругу лондонскаго общества. Здѣсь даровитый сынъ его съ раннихъ лѣтъ имѣлъ возможность видѣть людей, выдающихся на разныхъ поприщахъ и преимущественно на литературномъ. Еще маленькимъ мальчикомъ онъ очень понравился поэту Самюэлю Роджерсу, который между прочимъ окрестилъ его въ христіанскую вѣру, когда ему было тринадцать лѣтъ. Первоначально Веньямина Дизраэли готовили къ адвокатской дѣятельности, но вскорѣ онъ оставилъ мысль о ней и попробовалъ свои силы на литературномъ поприщѣ. Въ 1826 г. онъ выступилъ передъ публикой съ романомъ „Vivian Grey“, который имѣлъ значительный успѣхъ и обезпечилъ юному автору довольно видное положеніе въ литературныхъ кругахъ и въ извѣстной части лондонскаго общества. Послѣдующіе романы его („The Young Duke“, „Venetia“ и др.) также имѣли успѣхъ, но онъ не сдѣлался профессіональнымъ писателемъ, а сталъ мечтать о политической карьерѣ. Первые шаги ея были однако неудачны. Выступивъ кандидатомъ въ члены парламента въ 1832 г., передъ проведеніемъ билля о реформѣ, Дизраэли былъ забаллотированъ. Въ 1833 и 1835 гг. онъ снова повторилъ свою попытку и опять потерпѣлъ неудачу. Наконецъ, въ 1837 году онъ былъ избранъ членомъ парламента.

Первоначально политическіе взгляды и стремленія его не отличались опредѣленностью. На выборахъ 1832 г. онъ выступилъ съ рекомендаціями отъ Джозефа Юма, виднаго члена радикальной группы, и Даніеля О'Коннеля, знаменитаго ирландскаго лидера, и потому въ глазахъ многихъ Дизраэли являлся радикаломъ Однако, хотя онъ и раздѣлялъ нѣкоторые взгляды, входившіе въ программу радикальной партіи, въ заявленіяхъ его можно было усмотрѣть значительную антипатію къ традиціоннымъ пріемамъ и стремленіямъ виговъ, при чемъ видно было, что онъ не склоненъ стать вѣрнымъ приверженцемъ какой-либо изъ существовавшихъ тогда политическихъ партій, а что онъ „попытается повести новую линію и привлечь вниманіе къ себѣ обѣщаніемъ чего-то болѣе свѣжаго и болѣе смѣлаго, чѣмъ обѣщанія признанныхъ группъ". Въ 1834 г. еще болѣе рѣзко выступило его враждебное настроеніе къ вигамъ, а въ 1835 г. онъ заявилъ себя рѣшительнымъ тори и послѣдователемъ Роберта Пиля, при чемъ однако въ его рѣчахъ выражены были нѣкоторые своеобразные взгляды, которые онъ развилъ впослѣдствіи и въ своихъ политическихъ романахъ „Coningsby" и „Sybil" (1844 и 1845 гг.), представляющихъ собою какъ бы манифесты партіи „молодой Англіи", которую рисовало его воображеніе.

„Въ какой мѣрѣ перемѣна, происшедшая съ

нимъ, была естественною эволюціею и въ какой мѣрѣ она была вызвана простыми разсчетами,— говоритъ Брайсъ, — на этомъ безполезно останавливаться: быть можетъ, онъ и самъ не вполнѣ сознавалъ это. Оглядываясь назадъ, мы въ настоящее время склонны думать, что за эту перемѣну его порицали больше, чѣмъ онъ того заслуживалъ, но современники его вообще приписывали ее безпринципности".

Когда Дизраэли вступалъ въ палату общинъ, онъ былъ замѣтною фигурою въ свѣтскомъ Лондонѣ. Авторъ романовъ, производившихъ шумъ въ обществѣ, онъ обращалъ на себя вниманіе и своею внѣшностью,—отчасти красивою наружностью, отчасти эксцентричностью въ манерѣ одѣваться (онъ всегда носилъ ярко-цвѣтное платье, а на рукахъ— кольца). Перемѣна фронта въ политическомъ отношеніи вызывала рѣзкія нападки на него; много толковъ въ политическомъ мірѣ вызвало также его столкновеніе съ О'Коннелемъ: обѣ стороны обмѣнялись рѣзкими выраженіями, при чемъ Дизраэли даже вызывалъ на дуэль ирландскаго лидера. При такихъ условіяхъ первая рѣчь новаго члена парламента не могла не привлечь къ себѣ особеннаго вниманія. Однако ораторскій дебютъ Дизраэли былъ крайне неудаченъ,—не потому, что сама рѣчь была неудачна, а потому, что ея тонъ не соотвѣтствовалъ настроенію пала-

ты общинъ и что враждебно относившіеся къ оратору члены ея постоянно прерывали его ироническимъ смѣхомъ. Стараясь сохранить самообладаніе, Дизраэли закончилъ свою рѣчь надменнымъ заявленіемъ: „Я ни мало не смущенъ оказаннымъ мнѣ пріемомъ. Не разъ я принимался за разныя вещи, и часто мнѣ въ концѣ-концовъ удавалось достигать успѣха. И хотя я умолкаю сейчасъ, придетъ время, когда вы будете слушать меня".

Не отчаяваясь передъ первою неудачею, Дизраэли продолжалъ принимать дѣятельное участіе въ дебатахъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занялъ положеніе одного изъ видныхъ членовъ парламента. Сначала онъ былъ горячимъ приверженцемъ и поклонникомъ Пиля, но затѣмъ онъ все болѣе и болѣе отдалялся отъ него либо вслѣдствіе холодности со стороны Пиля, свидѣтельствовавшей, что тутъ Дизраэли нечего ожидать движенія въ политической карьерѣ, либо потому, что онъ своевременно усмотрѣлъ въ Пилѣ признаки поворота, долженствовавшаго привести къ полному отдѣленію его отъ консервативной партіи. Послѣднее случилось въ 1846 г., когда Пиль выступилъ съ предложеніемъ объ отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ. Дизраэли, который уже съ 1843 г. неоднократно выступалъ съ рѣзкими вылазками противъ вліятельнаго премьера, теперь принялъ

самое дѣятельное участіе не только въ нападкахъ на него, но и въ организаціи протекціонистской партіи и въ рѣшительной поддержкѣ его лидера, лорда Джорджа Бентинка.

Съ Пилемъ изъ рядовъ торійской партіи вышли наиболѣе даровитые члены ея, и въ ихъ числѣ Гладстонъ. Партіи, хотя и численной по составу, но потерпѣвшей такой уронъ въ интеллектуальномъ отношеніи, было важно обезпечить себѣ ловкаго тактика и бойкаго оратора Такого именно человѣка она нашла въ лицѣ Дизраэли, которому судьба дала возможность выступить въ рѣшительной роли раньше, чѣмъ онъ самъ могъ ожидать этого. Въ концѣ 1848 г. умеръ лордъ Бентинкъ, послѣ котораго Дизраэли являлся наиболѣе выдающимся по уму членомъ протекціонистской партіи. А въ 1850 г. скончался, неудачно упавъ съ лошади, Пиль, которому съ теченіемъ времени, быть можетъ, удалось бы возсоединить расколовшуюся торійскую партію. Пилиты же все болѣе тяготѣли въ сторону либерализма, такъ что когда въ 1851 г. лордъ Дерби, которому, какъ главѣ торіевъ, поручено было сформировать министерство, предложилъ имъ присоединиться къ нему, они отказались. Не имѣя такимъ образомъ возможности поручить кому-либо изъ нихъ лидерство въ палатѣ общинъ, лордъ Дерби въ 1852 г. обратился къ Дизраэли, предоставивъ ему долж-

ность канцлера казначейства вмѣстѣ съ функціями лидера торійской партіи въ нижней палатѣ. Это назначеніе многимъ казалось страннымъ, такъ какъ Дизраэли не имѣлъ понятія о финансахъ и не обладалъ служебнымъ опытомъ, никогда до той поры не занимавъ никакой должности. Въ средѣ самихъ торіевъ слышался ропотъ по поводу предоставленія такого высокаго поста человѣку, котораго многіе считали авантюристомъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ министерство лорда Дерби пало, потерпѣвъ пораженіе при обсужденіи представленнаго канцлеромъ казначейства бюджета, вызвавшаго горячія нападки со стороны Гладстона. Это было началомъ того продолжительнаго единоборства между нимъ и Дизраэли, которое длилось до конца жизни послѣдняго.

Въ теченіе слѣдующихъ четырнадцати лѣтъ Дизраэли пришлось довольствоваться ролью лидера оппозиціи въ нижней палатѣ, за исключеніемъ небольшого промежутка времени, когда въ 1858—1859 гг. власть перешла въ руки торіевъ. Съ большимъ тактомъ и ловкостью велъ онъ оппозицію противъ либеральной партіи, будучи вынужденъ кромѣ того считаться съ явнымъ недовольствомъ въ средѣ собственной партіи. Многіе представители земельной аристократіи долго не могли примириться съ лидерствомъ человѣка, чуждаго имъ по происхожденію, преисполненнаго идеями, которыя

не возбуждали въ нихъ симпатіи. Приписывая ему долгое устраненіе отъ власти своей партіи, они неоднократно пытались подорвать положеніе Дизраэли, и въ 1861 году онъ особенно рѣзко почувствовалъ свою изолированность. Однако въ средѣ торіевъ попрежнему не было лица, которое обладало бы такимъ даромъ рѣчи и такими стратегическими талантами, какіе съ теченіемъ времени обнаруживалъ все болѣе Дизраэли. Ему къ тому же удалось завоевать рѣшительное признаніе со стороны лорда Дерби, бывшаго номинальнымъ главою торійской партіи и склоннаго въ своей политикѣ всецѣло слѣдовать за Дизраэли. При поддержкѣ лорда Дерби онъ весьма успѣшно справлялся съ выраженіями недовольства враждебной ему группы торіевъ. А между тѣмъ съ годами въ среду этой партіи притекали новые люди, которые, не бывъ свидѣтелями первыхъ скользкихъ шаговъ Дизраэли на политическомъ поприщѣ, видѣли въ немъ лишь смѣлаго и искуснаго лидера своей партіи. Въ свою очередь онъ старался снискать ихъ личныя симпатіи, поощряя и поддерживая новыхъ дѣятелей въ ихъ политическихъ дебютахъ, внушалъ имъ свои идеи, принималъ мѣры къ созданію прочной мѣстной организаціи партіи и умѣлъ возбудить широкія надежды на великое будущее, ожидающее торійскую партію, когда судьба снова вернетъ ее къ власти.

Благопріятнымъ для Дизраэли обстоятельствомъ явилась смерть Пальмерстона, блестящая внѣшняя политика котораго внушала къ себѣ довѣріе обѣихъ партій. Съ его кончиной положеніе измѣнилось, и рѣзче обозначилось преобладавшее въ палатѣ консервативное теченіе. Когда лордъ Россель и Гладстонъ внесли билль о парламентской реформѣ, послѣдняя вызвала рѣзкую оппозицію со стороны консерваторовъ и значительное недовольство въ средѣ умѣренныхъ либераловъ. Кабинетъ Росселя потерпѣлъ пораженіе, и образовано было торійское министерство съ лордомъ Дерби и Дизраэли во главѣ. Къ удивленію многихъ, въ слѣдующемъ году ими самими былъ внесенъ билль о реформѣ, которая, въ результатѣ обсужденія, получила характеръ мѣропріятія, шедшаго гораздо дальше, чѣмъ прошлогодній билль, въ смыслѣ предоставленія избирательныхъ правъ рабочимъ классамъ въ городскихъ округахъ. Проведеніе этого билля является, по словамъ Брайса, величайшимъ изъ тріумфовъ Дизраэли. Искусно обезпечивъ себѣ поддержку со стороны части либераловъ, которые оказали ее вопреки внушеніямъ своего лидера, Дизраэли сумѣлъ—что еще болѣе важно, — убѣдить торіевъ высказаться за реформу, которую они въ теченіе всей своей жизни осуждали и которая была, или въ ихъ глазахъ должна была бы оказаться, еще болѣе опасною

чѣмъ та мѣра, которую они при содѣйствіи упорствующей группы либераловъ отклонили въ предшествующемъ году. Дизраэли приходилось, какъ онъ самъ смѣло выразился, воспитать свою партію и подготовить ее къ совершенію того, что она прежде такъ искренно и такъ рѣшительно отвергала.

Выходъ въ отставку лорда Дерби, вслѣдствіе болѣзни, открылъ Дизраэли путь къ высшей ступени политической карьеры. Онъ былъ назначенъ первымъ министромъ. Признавъ нужнымъ распустить парламентъ, онъ спокойно ожидалъ результатовъ общихъ выборовъ, въ увѣренности, что участіе новыхъ избирателей, которые не могли не быть благодарны ему за его актъ, предоставившій имъ политическія права, обезпечитъ консервативное большинство въ новой палатѣ. Къ удивленію его и къ безграничной досадѣ торіевъ, выборы дали либеральную палату (въ 1868 г.). Дизраэли, которому было уже шестьдесятъ—четыре года, тягостенъ былъ этотъ ударъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже не располагалъ вліятельною поддержкою лорда Дерби для борьбы съ недовольными голосами, которые снова раздавались въ средѣ торійской партіи, между тѣмъ какъ либералы были тѣсно сплочены вокругъ его соперника Гладстона, безпримѣрная популярность котораго въ странѣ дѣлала его въ данное время всемогущимъ.

Однако Дизраэли не упалъ духомъ. Съ прежнимъ тактомъ, осторожно и упорно велъ онъ борьбу, казалось безнадежную, не упуская случая своею острою критикою причинить ущербъ кабинету Гладстона, выступавшаго съ широкими и радикальными начинаніями. Мало-по-малу сталъ чувствоваться поворотъ въ настроеніи общественнаго мнѣнія, и въ 1874 г. общіе выборы дали рѣшительное консервативное большинство. Дизраэли снова сдѣлался первымъ министромъ, и уже не за неимѣніемъ другого, лучшаго, а какъ лицо, располагающее безусловною покорностью господствующей партіи и стоящее настолько высоко надъ уровнемъ прочихъ членовъ кабинета, что онъ представлялся единымъ вершителемъ его политики. Въ 1876 году, чувствуя утомленіе отъ тяжелой роли лидера нижней палаты, онъ перешелъ въ палату лордовъ, получивъ титулъ графа Биконсфильда. Политика, которой онъ слѣдовалъ (въ 1876—1880 гг.) при осложненіяхъ, возникшихъ на Востокѣ вслѣдствіе возстанія въ Герцеговинѣ и турецкихъ звѣрствъ въ Болгаріи, а затѣмъ и мѣропріятія его въ Афганистанѣ и въ Южной Африкѣ, встрѣчавшія поддержку въ состоятельныхъ классахъ населенія, вызвали рѣшительное недовольство въ другихъ слояхъ и особенно въ средѣ тѣхъ двухъ элементовъ, которые, при условіи единства между ними, всегда являются хозяевами положенія,—въ средѣ протестантовъ-

нонконформистовъ и высшаго слоя рабочихъ классовъ. Общіе выборы, которые были ведены съ необычайною горячностью, дали столь значительное либеральное большинство, что лордъ Биконсфильдъ, не ожидая враждебнаго голосованія въ новомъ парламентѣ, въ апрѣлѣ 1880 г. вышелъ въ отставку. Когда обнаружился результатъ выборовъ, онъ воскликнулъ, имѣя въ виду своихъ сочленовъ по торійской партіи: „они еще вернутся, но я — уже нѣтъ". Черезъ годъ онъ умеръ.

Такова, въ краткомъ очеркѣ, удивительная карьера Дизраэли,—удивительная какъ для англичанъ, такъ и для постороннихъ наблюдателей англійской политической жизни Человѣкъ, не обладавшій никакими особенными внѣшними преимуществами, не прошедшій даже черезъ университетъ, гдѣ нерѣдко складываются полезныя для будущаго отношенія,—человѣкъ, которому, наоборотъ, не могли не вредить и его еврейское происхожденіе, и шатанія въ первые годы его общественной дѣятельности,—выдвигается впередъ и мало-по-малу, не падая духомъ передъ щелчками и неудачами, овладѣваетъ какъ бы по праву принадлежащимъ ему положеніемъ лидера партіи, аристократической партіи, въ то время еще особенно подозрительной къ людямъ новымъ и небогатымъ, завоевываетъ себѣ репутацію, покрывающую забвеніемъ прежніе его промахи, и на склонѣ лѣтъ становится любимцемъ

двора, повелителемъ великаго государства, однимъ изъ трехъ или четырехъ властелиновъ Европы.

Благодаря какимъ свойствамъ своего характера и дарованіямъ достигъ онъ такого успѣха? Держался ли онъ какихъ-нибудь принциповъ, или просто игралъ ими, подобно тому, какъ искусный счетчикъ дѣлаетъ выкладки на счетахъ? Какимъ образомъ, будучи такъ мало похожъ на англичанъ, въ среду которыхъ забросила его судьба, онъ сумѣлъ очаровать ихъ и властвовать надъ ними?

Для уразумѣнія личности Дизраэли нельзя, по мнѣнію Брайса, не принять во вниманіе его еврейскаго происхожденія. Въ характерѣ его рѣзко выступали три свойства, обусловленныя его принадлежностью къ еврейской расѣ: обособленность, упорство, жажда матеріальнаго успѣха. Природа надѣлила его сильною волею, острымъ и живымъ умомъ, пылкимъ темпераментомъ; въ немъ велики были сознаніе своихъ силъ и рѣшимость заставить другихъ признать эти силы. У нѣкоторыхъ людей жажда успѣха парализуется опасеніемъ неудачъ; другимъ сознаніе своего величія даетъ достаточное внутреннее удовлетвореніе и не располагаетъ ихъ къ усиліямъ. Но въ немъ честолюбіе питало самоувѣренность, а самоувѣренность развивала честолюбіе.

Выростая въ образованной средѣ, онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ встрѣчалъ выдающихся и

утонченныхъ людей, общеніе съ которыми шлифовало его умъ. Онъ развивался внѣ какихъ либо религіозныхъ вліяній, такъ какъ отецъ его, переставъ быть іудеемъ по вѣрѣ, не сдѣлался однако и христіаниномъ, хотя бы номинально. Обществомъ, въ которомъ онъ вращался въ юные годы, было общество свѣтскихъ людей, остроумныхъ, поверхностныхъ, безъ глубокихъ интересовъ и стремленій. Онъ не чувствовалъ себя англичаниномъ и наблюдалъ англійскую жизнь и политику такъ же спокойно и безстрастно, какъ натуралистъ наблюдаетъ жизнь пчелъ или муравьевъ. Англійское общество въ то время (быть-можетъ, отчасти и теперь) представлялось болѣе сложнымъ, чѣмъ какое-либо иное, полнымъ противорѣчій, контрастовъ между видимостью и дѣйствительностью. Нигдѣ не встрѣтишь столько условностей въ свѣтскихъ кругахъ, столько фарисейства въ средѣ людей порядочныхъ, такъ много вульгарности среди богатыхъ и рядомъ съ этимъ такого благородства, благожелательности и здравомыслія; нигдѣ не встрѣтитъ такого обильнаго матеріала для насмѣшекъ посторонній наблюдатель, которому чужды симпатіи, вытекающія изъ любви къ человѣчеству или хотя бы любви къ родинѣ.

Юношѣ со свойствами Дизраэли естественно было иронизировать надъ тѣмъ, что онъ видѣлъ. Но онъ не могъ удовольствоваться простымъ пренебре-

женіемъ къ этому. Жажда власти и славы не давала ему покоя. Онъ *долженъ* добиться того, къчему стремятся всѣ кругомъ. Онъ долженъ восторжествовать надъ людьми, глупость которыхъ забавляла его, и торжество будетъ тѣмъ пріятнѣе, что онъ сумѣлъ подмѣтить и сумѣетъ утилизировать эту глупость. Онъ могъ бы быть великимъ сатирикомъ, но онъ рѣшилъ сдѣлаться великимъ государственнымъ дѣятелемъ. Для такой карьеры еврейская обособленность его обезпечивала важныя преимущества. Благодаря ей онъ могъ спокойнѣе и объективнѣе относиться къ общественнымъ и политическимъ явленіямъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Онъ не былъ связанъ партійными традиціями. Ему не нужно было считаться съ обычными предразсудками. Онъ соображалъ наличныя силы и обстоятельства съ такимъ же спокойствіемъ, съ какимъ инженеръ вычисляетъ силу своихъ матеріаловъ, степень давленія на нихъ извнѣ и количество вѣса, который они могутъ выдержать. Къ тому же предметомъ его стремленій былъ не успѣхъ какого-нибудь широкаго дѣла, осуществленіе котораго можетъ находиться въ зависимости отъ тысячи обстоятельствъ, внѣ его воздѣйствія лежащихъ, а свой собственный успѣхъ,—вещь болѣе простая.

Еще болѣе значительнымъ источникомъ силы Дизраэли являлось его еврейское упорство. Евреи,

безъ сомнѣнія, обладаютъ въ высокой степени способностью всецѣло сосредоточиться на преслѣдованіи одной какой-нибудь задачи, жертвуя ей всѣми другими желаніями, цѣпляясь за нее даже тогда, когда она кажется недостижимой. Дизраэли было двадцать—восемь лѣтъ, когда онъ сдѣлалъ первую попытку вступить въ палату общинъ. Нѣсколько неудачъ не обезкуражили его, хотя онъ и располагалъ очень ограниченными денежными средствами для того, чтобы вести избирательную борьбу, требовавшую въ то время весьма значительныхъ расходовъ. Наконецъ ему удалось добиться желаемаго. Когда же первая рѣчь его въ парламентѣ встрѣчена была смѣхомъ, и нѣкоторые уже выражали удовольствіе по поводу того, что этотъ авантюристъ получилъ должную оцѣнку, онъ спокойно заявилъ, что во всемъ, за что онъ ни принимался, ему удавалось достигать успѣха и что и въ этомъ дѣлѣ его также ожидаетъ успѣхъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ борьбы съ большинствомъ въ палатѣ общинъ онъ никогда не падалъ духомъ передъ неудачами, никогда не убавлялъ того бдительнаго вниманія, съ которымъ онъ слѣдилъ за своими противниками, никогда не манкировалъ (хотя и былъ очень слабаго здоровья) присутствіемъ въ парламентѣ, какъ бы ни были ничтожны очередныя занятія его; никогда не упускалъ онъ случая нанести ударъ

своимъ противникамъ или одобрительно отнестись къ успѣшному шагу кого-либо изъ своихъ сторонниковъ.

Съ рѣшительностью въ преслѣдованіи своей задачи Дизраэли соединялъ неустрашимую отвагу. Ни мало не скрывая своего еврейскаго происхожденія, онъ, скорѣе, гордился имъ и рѣшительно отказывался поддерживать стремленія торійской партіи сохранить недопущеніе евреевъ въ парламентъ. Никто въ такой мѣрѣ, какъ онъ, не проявлялъ спокойствія и (за исключеніемъ двухъ—трехъ случаевъ) самообладанія въ пылу парламентской борьбы. Его противники привыкли бояться того, кто самъ за себя никогда не боялся, а его сторонники знали, что ихъ лидеръ никогда не измѣнитъ имъ въ минуту опасности. Въ самой наружности его и манерѣ держать себя выступало безстрастное спокойствіе, которое магнетизировало слѣдившихъ за нимъ. Онъ любилъ принимать позу, въ которой было что-то таинственное, величественное, сосредоточенное. Онъ могъ сидѣть цѣлые часы въ палатѣ общинъ, съ полузакрытыми глазами слушая ожесточенные нападки на себя и свою политику, ни малѣйшимъ движеніемъ мускула не показавъ, что онъ чувствуетъ наносимые ему удары; съ полнымъ хладнокровіемъ давалъ онъ затѣмъ свои отвѣты, исполненные ѣдкаго сарказма.

При томъ честолюбіи, которое было присуще Дизраэли, въ немъ не могла развиться щепетильность, которой не усматривали въ немъ даже самые горячіе его поклонники. Онъ не склоненъ былъ допускать, чтобы на пути его становились такія чувства, какъ добросердечіе или состраданіе; не проявлялъ онъ особенной щепетильности и къ правдѣ. Къ его слову относились не такъ, какъ къ слову герцога Веллингтона, или лорда Дерби, или лорда Росселя, или даже такого нестрогаго моралиста, какимъ былъ лордъ Пальмерстонъ. Примѣры грѣховъ Дизраэли въ этомъ отношеніи можно усмотрѣть даже на склонѣ его дѣятельности въ 1877 г. Но особенно подчеркивался всегда его образъ дѣйствій по отношенію къ сэру Роберту Пилю, въ котораго онъ металъ стрѣлы сарказма, между тѣмъ какъ незадолго передъ тѣмъ расточалъ ему похвалы и домогался получить положеніе въ его кабинетѣ [1]). Въ оправданіе своего отношенія къ Пилю Дизраэли указывалъ на то, что онъ былъ тогда незамѣтною личностью, для которой было существенно важно привлечь къ себѣ

[1]) Однажды Дизраэли дошелъ до того, что отрицалъ фактъ обращенія своего къ Пилю съ просьбой объ его назначеніи, опираясь на то, что на письмѣ, въ которомъ излагалась эта просьба, была поставлена помѣтка „private“ (т. е. частное письмо), благодаря чему Пиль не имѣлъ возможности воспользоваться имъ для публичнаго удостовѣренія домогательства Дизраэли

общественное вниманіе и создать себѣ политическое положеніе; что нельзя было упустить такого прекраснаго случая выступить съ нападками противъ могущественнаго премьера въ тотъ моментъ, когда измѣнившіеся взгляды его на вопросъ о хлѣбныхъ пошлинахъ вызывали подозрительное отношеніе къ министерству въ средѣ самой партіи, и что такимъ образомъ онъ вынужденъ былъ нападать на Пиля, хотя самъ онъ вовсе не былъ особеннымъ сторонникомъ хлѣбныхъ законовъ и вѣрилъ въ искренность перемѣны, происшедшей въ убѣжденіяхъ Пиля.

Проглядывающій въ этомъ объясненіи Дизраэли цинизмъ Брайсъ считаетъ въ значительной степени результатомъ неблагопріятныхъ условій его воспитанія, въ которомъ не было нравственнаго и религіознаго вліянія, и той отчужденности, въ которой протекали молодые годы юноши, стоявшаго внѣ общаго теченія англійской жизни, не раздѣлявшаго ея стремленій, видѣвшаго всю пустоту многаго того, что носило обликъ добродѣтели и патріотизма. Въ 25 лѣтъ онъ сталъ такимъ циникомъ, какимъ жизненный опытъ дѣлаетъ другихъ въ 60 лѣтъ. Если бы онъ любилъ правду и людей, онъ могъ бы побороть въ себѣ юношескій цинизмъ. Но гордость и честолюбіе не оставляли мѣста такимъ чувствамъ. Впрочемъ цинизмъ его былъ не только продуктомъ его язвительнаго и

скептическаго ума, но и проявленіемъ его холоднаго сердца, не допускавшаго иныхъ стремленій въ жизни, кромѣ стремленій къ славѣ и власти или же къ наслажденіямъ, и побуждавшаго признавать глупцами или слабенькими существами тѣхъ, которыхъ могли одушевлять какіе-либо другіе идеалы.

Онъ считалъ, что въ политикѣ нѣтъ мѣста чувству, и тщетны были бы старанія вызвать въ немъ гуманныя побужденія. Лучше всего доказалъ онъ это своимъ отношеніемъ къ извѣстіямъ о болгарскихъ ужасахъ 1876 г., возбудившихъ общественное негодованіе въ большей части англійскаго населенія. Но его далеко нельзя было назвать грубымъ. Онъ умѣлъ быть привѣтливымъ и не упускалъ случая сказать что-нибудь пріятное и ласковое юному дебютанту въ парламентѣ, будь онъ изъ его партіи или изъ противной. Съ годами и по мѣрѣ возрастанія успѣха, въ характерѣ Дизраэли все болѣе развивались мягкость и привѣтливость. Онъ былъ образцомъ вѣрности и преданности своимъ политическимъ друзьямъ, которые могли всецѣло положиться на него.

Въ умѣ его не видно было большой широты, и едва ли могъ бы онъ достигнуть полнаго успѣха въ какой-либо иной сферѣ дѣятельности. Это не былъ умъ логическій, склонный къ собиранію и систематизированію большого количества фактовъ

и къ извлеченію изъ нихъ надлежащихъ выводовъ. Не было въ немъ и способности къ тонкому анализу. Добываемыя имъ заключенія являлись скорѣе результатомъ интуитивнаго процесса и вдохновенія, въ которомъ видное мѣсто занимали элементы воображенія и рефлективности. Это былъ умъ художника, способный къ глубокому размышленію, но предметомъ этого размышленія являлись не столько сами факты, сколько его собственныя представленія о фактахъ, тѣ картины, которыя рисовала его творческая способность Въ рѣчахъ онъ любилъ прибѣгать къ звучнымъ фразамъ и картиннымъ иллюстраціямъ, иногда въ подтвержденіе взглядовъ, имъ проводимыхъ, чаще же для того, чтобы замаскировать ихъ слабость и восполнить этимъ отсутствіе солидныхъ аргументовъ, которые могли бы подѣйствовать на слушателей.

Дизраэли не отличался ни большою начитанностью, ни разносторонностью умственныхъ интересовъ. Образованіе его состояло главнымъ образомъ въ безсистемномъ чтеніи въ дѣтствѣ и въ юные годы. Въ зрѣломъ возрастѣ, отчасти по свойственной ему безпечности, отчасти по множеству политическихъ занятій, онъ не пополнилъ пробѣловъ въ своихъ знаніяхъ. Впрочемъ онъ довольно хорошо зналъ древнихъ классиковъ и новую англійскую и французскую литературу. Онъ увлекался Квинтиліаномъ и Лукіаномъ, предпо-

читалъ Софокла Эсхилу и Горація Виргилію, терпѣть не могъ Броунинга, а Теннисона считалъ лучшимъ изъ современныхъ поэтовъ, хотя и не первоклассным. Естественныя науки, повидимому, никогда не возбуждали въ немъ интереса. Политическую экономію онъ ненавидѣлъ и относился къ ней почти съ такимъ же пренебреженіемъ, какъ Карлейль. Въ его романахъ можно встрѣтить нѣкоторыя познанія изъ области метафизики и исторіи, но обыкновенно довольно поверхностныя.

Его собственныя произведенія не только представляютъ прекрасный матеріалъ для полнаго пониманія его личности, но и обладаютъ значительными литературными достоинствами, быть можетъ въ большей степени, чѣмъ то признавала критика. Едва ли однако ему удалось бы сдѣлаться первоклассным романистомъ, если бы онъ и посвятилъ себя всецѣло литературной профессіи. Изъ литературныхъ призваній наиболѣе подходящимъ для него было бы призваніе журналиста или памфлетиста. Въ этой области онъ могъ бы достигнуть безспорнаго успѣха, благодаря присущимъ ему свойствамъ—пылкости, размаху, блеску и сатирической ѣдкости ума.

Выясняя, въ какой мѣрѣ свойства и дарованія Дизраэли выразились въ его политической дѣятельности, Брайсъ указываетъ прежде всего, ка-

кимъ требованіямъ долженъ отвѣчать англійскій государственный дѣятель для того, чтобы достигнуть высшаго успѣха. Во-первыхъ, онъ долженъ быть хорошимъ дебатеромъ; во-вторыхъ, онъ долженъ знать парламентскую тактику; въ-третьихъ, онъ долженъ хорошо знать и понимать свою страну; въ-четвертыхъ, онъ долженъ понимать Европу. Послѣднее условіе не всегда необходимо: бывали моменты, когда Англія, предоставляя Европу самой себѣ, сосредоточивалась всецѣло на своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Но когда въ Европѣ собираются тучи, непониманіе ея, которое иногда проявляютъ англійскіе государственные дѣятели, можетъ грозить бѣдой.

Ораторомъ въ высшемъ смыслѣ этого слова Дизраэли не былъ. Въ рѣчи его не было легкости и плавности Всего менѣе обладалъ онъ даромъ растрогать своихъ слушателей. Онъ не могъ бы заставить ихъ плакать, но онъ могъ заставить ихъ смѣяться, вызвать въ нихъ веселое расположеніе духа; онъ могъ блеснуть передъ ними своею реторикою; онъ могъ поднять на смѣхъ своего противника и этимъ достигнуть поразительнаго эффекта. По богатству мысли или блеску изложенія его рѣчи не могутъ выдержать сравненіе не только съ рѣчами Борка (къ которому онъ иногда старался примѣняться), но даже и трехъ или четырехъ изъ современниковъ его. Въ средѣ его

собственной партіи лорды Дерби, Элленборо и Кэрнсъ во многихъ отношеніяхъ были выше его, какъ ораторы. Изъ длинныхъ и отдѣланныхъ рѣчей Дизраэли нѣтъ ни одной, которую можно было бы прочесть съ интересомъ отъ начала до конца. Но за-то почти въ каждой изъ нихъ есть замѣчательныя мѣста, которыя при ихъ произнесеніи должны были производить чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Этимъ отдѣльнымъ пассажамъ, особенно саркастическимъ, а также и въ еще большей мѣрѣ искусству приспособить рѣчь къ обстоятельствамъ, при которыхъ она произносилась, обязанъ онъ былъ славою парламентскаго оратора.

Не будучи великимъ ораторомъ, онъ былъ превосходнымъ дебатеромъ, обладая удивительною способностью уловить настроеніе слушателей и сказать именно то, что нужно для того, чтобы смутить противника или поднять духъ своихъ сторонниковъ. Его возраженія были большею частью удачны и нерѣдко импровизированы. Не имѣя пылкаго темперамента прирожденнаго оратора, онъ не имѣлъ и внѣшнихъ качествъ, столь цѣнныхъ для говорящаго передъ большимъ собраніемъ. Голосъ его не отличался ни силою, ни звучностью. Въ манерѣ держать себя проглядывала извѣстная натянутость; онъ мало жестикулировалъ; ему недоставало выразительности.

Недочеты въ краснорѣчіи возмѣщались тактическою ловкостью. Англія не знала другого такого блестящаго парламентскаго стратега. Онъ сумѣлъ въ совершенствѣ изучить палату общинъ и въ ея цѣломъ,—такъ сказать, коллективный характеръ ея,—и въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ: зналъ ихъ сильныя и слабыя стороны, ихъ симпатіи, предразсудки, претензіи. На каждой изъ этихъ струнъ онъ умѣлъ играть, не давая вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовать свое искусство; онъ не былъ навязчивъ и такъ экономизировалъ себя, что его всегда хотѣли слушать.

Въ качествѣ лидера партіи въ оппозиціи, онъ удачно комбинировалъ смѣлость съ осторожностью. Никогда не боялся онъ дать сраженіе, хотя бы явно грозившее пораженіемъ, если онъ считалъ, въ интересахъ будущаго, необходимымъ, чтобы партія опредѣленно высказалась по данному вопросу. Съ другой стороны, онъ никогда не былъ сторонникомъ слѣпого и упрямаго сопротивленія и, замѣтивъ, что настало время уступить, охотно шелъ на уступки, умѣя сохранить достоинство и получить взамѣнъ нѣчто цѣнное. Сохраняя за собою полную свободу критики внѣшней политики либеральнаго кабинета, онъ однако не позволялъ себѣ парализовать его дѣйствія, заявляя, что Англія передъ иностранными державами всегда должна выступать въ полномъ единеніи,

каковы бы ни были кары, которыя впослѣдствіи могутъ обрушиться на тѣхъ, кто плохо оберегалъ интересы страны. Въ отношеніи къ внутренней дисциплинѣ своей партіи ему приходилось преодолѣвать большія затрудненія въ виду того нерасположенія и той подозрительности, которыя въ теченіе долгаго времени проявляли къ нему многіе тори, пока, наконецъ, онъ не пріобрѣлъ безусловнаго авторитета надъ партіей, которая мало-по-малу тѣсно сплотилась вокругъ него и не только получила прочное единство, но и приняла подъ его руководствомъ боевой характеръ.

Знать палату общинъ и, съ другой стороны, понимать Англію и улавливать смѣну теченій въ общественномъ мнѣніи—вещи совершенно различныя и до нѣкоторой степени трудно совмѣстимыя. Люди, вступая въ парламентъ, скоро начинаютъ забывать, что въ концѣ-концовъ управляетъ не парламентъ, а народъ. Поглощенные повседневною работою въ палатѣ, они склонны преувеличивать значеніе этой работы. Они привыкаютъ думать, что парламентъ и въ самомъ дѣлѣ представляетъ собою то, чѣмъ онъ является въ теоріи,—микрокосмомъ націи,—и что теченія, въ немъ выступающія, вѣрно отражаютъ теченія въ дѣйствительной жизни страны. Оказываясь въ меньшинствѣ, они испытываютъ подавленность; располагая большинствомъ, они воображаютъ, что все прекрасно,

и забываютъ о настоящихъ хозяевахъ положенія.

Дизраэли обладалъ острою наблюдательностью и рѣдкою прозорливостью. Но ему не могло не мѣшать то, что онъ не былъ кореннымъ англичаниномъ и никогда не жилъ среди народа. Ему трудно было овладѣть въ надлежащей степени тѣми разнообразными теченіями, изъ которыхъ складывается жизнь націи, столь сложной, какъ англійская. Въ ранней молодости онъ составилъ себѣ извѣстныя представленія о взаимныхъ отношеніяхъ между различными классами англійскаго общества—высшею аристократіею, джентри, капиталистами, рабочими, крестьянствомъ и средними классами,—но эти представленія не вполнѣ отвѣчали дѣйствительному положенію, а между тѣмъ онъ держался ихъ и тогда, когда они еще болѣе отдалились отъ дѣйствительности послѣ перемѣнъ, происшедшихъ за полвѣка. Питая отвращеніе къ пуританизму и къ диссентерамъ, какъ главнымъ выразителямъ его, онъ радовался при мысли, что расширеніе избирательныхъ правъ, которое онъ провелъ въ 1867 г., подорветъ политическое значеніе диссентеровъ. Побѣда консервативной партіи на выборахъ 1874 г. подкрѣпляла его въ этомъ убѣжденіи и внушала ему надежду, что рабочіе классы охотно примутъ руководительство богатыхъ. Видя, что въ нѣкоторыхъ вліятельныхъ кругахъ

населенія либеральное министерство 1868—1874 гг. вызвало недовольство черезчуръ податливою и недостаточно предпріимчивою внѣшнею политикою, онъ вообразилъ, что нація въ массѣ съ восторгомъ поддержитъ политику активную, аггрессивную, воинственную. Такая политика вполнѣ отвѣчала его личнымъ идеямъ и вызывала сочувствіе въ окружавшемъ его обществѣ. Она встрѣтила поддержку и въ нѣкоторыхъ распространенныхъ газетахъ, прежде недружелюбныхъ къ торійской партіи. Тѣмъ болѣе велико было его удивленіе при видѣ того, что въ 1880 г. выборы дали противъ его политики большинство еще болѣе значительное, чѣмъ то, какое въ 1874 г. оказалось въ его пользу.

Эта была самая крупная изъ его ошибокъ въ разсчетахъ, хотя и вообще въ теченіе всей своей дѣятельности онъ обнаруживалъ недостаточное пониманіе англійскаго народа. Достигнуть пониманія отдѣльныхъ личностей или даже коллегіи можно путемъ тщательнаго и продолжительнаго наблюденія; но для того, чтобы понять народъ въ его цѣломъ, нужно кромѣ того носить въ своемъ сердцѣ сочувствіе къ нему, а этой чертѣ не дали развиться въ Дизраэли ни обстоятельства, ни основныя свойства его характера.

Отчасти этимъ же недостаткомъ обусловливалось то, что Дизраэли не могъ всецѣло овладѣть

пониманіемъ общей европейской политики. Въ извѣстномъ смыслѣ никто не могъ бы претендовать на пониманіе Европы; даже Бисмаркъ не совсѣмъ понималъ ее. Слишкомъ широка проблема, слишкомъ многочисленны тѣ факты и слишкомъ разнообразны тѣ противорѣчивыя теченія, которые нужно знать. Если бы во времена Дизраэли Европа была тѣмъ, чѣмъ представлялась она сто лѣтъ назадъ, онъ имѣлъ бы гораздо болѣе шансовъ достигнуть своего завѣтнаго желанія—стать ея руководителемъ или вершителемъ ея судебъ. Приглядѣвшись къ монархамъ и министрамъ, съ которыми ему приходилось бы имѣть дѣло, онъ сумѣлъ бы узнать ихъ слабости и ловко воспользоваться ими. Онъ былъ выдающійся дипломатъ, что особенно рельефно проявилось на Берлинскомъ конгрессѣ 1878 г. По общему признанію участниковъ этого конгресса, онъ выполнилъ свою роль изумительно, говорилъ рѣдко, но всегда по существу дѣла и съ достоинствомъ, прекрасно зналъ, чего онъ хочетъ и какъ вѣрнѣе достигнуть этого, никогда не торговался о деталяхъ, не гнался за поддержкою, но и не обнаруживалъ ни малѣйшаго колебанія въ своихъ требованіяхъ, хотя бы они, повидимому, вели прямо къ войнѣ. Имѣя дѣло съ людьми, представлявшими матеріальные интересы, имъ взвѣшенные, Дизраэли былъ здѣсь въ своей сферѣ и заслужилъ похвальный отзывъ Би-

смарка, который, сравнивая его съ другими знаменитостями, участвовавшими въ конгрессѣ, выразился грубовато, но искренно: „Der alte Jude das ist der Mann“.—Но гораздо труднѣе было уразумѣть дѣйствительное положеніе юго-восточной Европы и понять, какъ лучше и вѣрнѣе разрѣшить возникшія тамъ смуты. Для этого Дизраэли не имѣлъ ни достаточныхъ знаній, ни необходимой прозорливости. Въ современной Европѣ неизмѣримо большее значеніе имѣютъ сами народы, чѣмъ отдѣльные правители, и тому, кто хочетъ провидѣть будущее, нужно понимать народныя чувства и стремленія. Но объ этомъ Дизраэли рѣдко задумывался и вообще не отдавалъ себѣ надлежащаго отчета въ силѣ и значеніи моральныхъ факторовъ.

Въ противовѣсъ ошибочнымъ политическимъ разсчетамъ Дизраэли можно указать рядъ случаевъ, въ которыхъ онъ, наоборотъ, проявилъ глубокую проницательность. Въ 1843 и 1844 гг., во время дебатовъ по ирландскимъ дѣламъ, онъ произнесъ нѣсколько рѣчей, которыя являлись весьма замѣчательнымъ и вѣрнымъ діагнозомъ тяжелаго положенія Ирландіи, при чемъ Дизраэли указывалъ, что правительству необходимо мирными и конституціонными способами устранить тѣ бѣдствія, которыя въ другихъ странахъ разрѣшались революціей. Въ эпоху американской гражданской

войны 1861—1865 гг. только онъ одинъ изъ выдающихся дѣятелей своей партіи не вѣрилъ въ успѣхъ Южныхъ Штатовъ. Но особенно поразительнымъ проявленіемъ проницательности Дизраэли было его убѣжденіе въ томъ, что отъ предоставленія избирательныхъ правъ рабочимъ классамъ вовсе нѣтъ основанія опасаться вредныхъ послѣдствій для торійской партіи, а что, наоборотъ, это можетъ въ концѣ концовъ содѣйствовать ея усиленію. Въ кругу консерваторовъ актъ 1867 г. былъ названъ „скачкомъ въ неизвѣстность“ (a leap in the dark), но Дизраэли зорко провидѣлъ эту неизвѣстность, и дѣйствительность оправдала его предположеніе.

Сдѣланный Брайсомъ всесторонній анализъ свойствъ и дарованій Дизраэли сообщаетъ достаточный матеріалъ для объясненія того, какимъ образомъ, при наличности многихъ неблагопріятныхъ условій, онъ достигъ своего высокаго положенія и такой славы. Однако въ дополненіе къ своей характеристикѣ Брайсъ счелъ нужнымъ подчеркнуть и нѣкоторыя второстепенныя причины, побочныя обстоятельства, давшія Дизраэли возможность преодолѣть стоявшія на пути его препятствія.

Дизраэли во многихъ отношеніяхъ былъ баловнемъ судьбы. И прежде всего успѣху его помогли тѣ условія, въ которыхъ находилась торійская

партія въ періодъ между 1846 и 1865 гг., о которыхъ Брайсъ уже упоминалъ въ другомъ мѣстѣ своего этюда. Для партіи, послѣ оставленія ея Пилемъ и его выдающимися сторонниками, человѣкъ съ дарованіями Дизраэли, съ его стратегическими и ораторскими талантами, не могъ не сдѣлаться незамѣнимымъ, тѣмъ болѣе, что судьба, ему благопріятствовавшая, не выдвинула въ средѣ консервативной партіи никого, кто могъ бы оспаривать его лидерство А упроченію послѣдняго въ сильной степени содѣйствовалъ традиціонный корпоративный духъ торіевъ, который обезпечивалъ дисциплину и покорность, парализовавшія голоса недовольныхъ.

Нельзя также не принять во вниманіе, что дѣятельность Дизраэли совпала съ знаменательными перемѣнами въ политическихъ условіяхъ Англіи и общественномъ настроеніи. Въ теченіе тридцатилѣтняго періода послѣ парламентской реформы 1832 г. средніе классы составляли большинство избирателей, и особенно могущественными факторами политической жизни были соціальное вліяніе виговъ и интеллектуальное вліяніе экономической школы Кобдена. Во вторую половину жизни Дизраэли эти факторы утратили свое значеніе. Реформа 1867 г. сильно измѣнила составъ избирателей, присоединивъ къ нимъ элементъ городскихъ рабочихъ классовъ. Былыя тра-

диціи виговъ потускнѣли, и многіе члены вигскихъ фамилій подъ вліяніемъ классовыхъ симпатій обнаружили тяготѣніе къ торизму. Выросло новое поколѣніе, которое, не бывъ свидѣтелемъ борьбы за свободную торговлю или позабывъ фритредерскіе доводы, увлеклось идеалами, чуждыми завѣтамъ Кобдена. Съ другой стороны, тѣ недочеты въ политическихъ условіяхъ, которые вдохновляли либеральныхъ дѣятелей въ ихъ борьбѣ съ короною и олигархическими тенденціями, уже не имѣли мѣста послѣ ряда освободительныхъ реформъ. Хотя лично Дизраэли и не игралъ большой роли въ указанныхъ перемѣнахъ, однако всѣ онѣ шли на пользу его партіи, вздымая волны, вынесшія его въ 1874 г. на вершину политическаго могущества.

Каково будетъ сужденіе потомства о Дизраэли?—спрашиваетъ Брайсъ въ заключеніе своего этюда.—Обаяніе самой личности исчезло и сохраняется лишь немногими изъ тѣхъ, которые ежегодно 19-го апрѣля украшаютъ цвѣтами статую лорда Биконсфильда. Что же останется памятнымъ изъ его дѣятельности?

Парламентская слава преходяща, перипетіи парламентской борьбы блекнутъ въ глазахъ грядущихъ поколѣній, которыя удѣляютъ человѣку мѣсто въ исторіи, не справляясь съ тѣмъ, какъ много занимались имъ при жизни, а соображаясь съ тѣмъ, какъ велика была его роль въ глубокихъ измѣне-

ніяхъ жизненныхъ условій. Съ точки зрѣнія такого критерія результаты личнаго воздѣйствія Дизраэли на ходъ событій окажутся немногочисленными, хотя нѣкоторые изъ нихъ представляются знаменательными.

„Онъ былъ искуснымъ парламентскимъ тактикомъ, которому довелось сплотить своихъ соратниковъ въ очень трудное время. Сдѣлавъ невозможнымъ возсоединеніе пилитовъ съ торійскою партіею, онъ придалъ этой партіи рѣзкую окраску, отличную отъ тѣхъ тусклыхъ оттѣнковъ, которые она носила подъ лидерствомъ Пиля. Онъ положилъ основаніе тому, что впослѣдствіи получило названіе „торійской демократіи", привлекшей значительную долю низшихъ слоевъ населенія подъ знамя, около котораго уже было сплочено большинство богатыхъ и состоятельныхъ элементовъ населенія. Онъ сохранилъ за Турецкою Имперіею часть ея владѣній, но этимъ онъ лишь на нѣкоторое время продлилъ предсмертную агонію турецкаго владычества. Не сдѣлавъ ничего особеннаго для Индіи и колоній, онъ однако, безъ сомнѣнія, содѣйствовалъ развитію „имперіальныхъ влеченій" англичанъ. Временами онъ обнаруживалъ глубокую проницательность, какъ въ 1843 г., въ указаніи того, что̀ именно нужно было для Ирландіи. Но для Ирландіи онъ не сдѣлалъ ничего, когда передъ нимъ открылась возможность осуществить на дѣлѣ свои мысли.

Парламентская реформа 1867 г. является, быть можетъ, единственнымъ изъ его политическихъ актовъ, который, ускоривъ перемѣну, породившую другія перемѣны, оказалъ прочное и глубокое воздѣйствіе на ходъ событій. Этотъ актъ представляетъ собою главный памятникъ его парламентскаго искусства. Но отъ его дѣятельности не осталось ничего, что могло бы служить поучительнымъ выраженіемъ возвышенныхъ стремленій или благородныхъ побужденій. Онъ не поднялъ, а, пожалуй, даже понизилъ тонъ англійской политической жизни".

„Однако исторія не преминетъ отдать ему дань удивленія При наличности всѣхъ возможныхъ объясненій его успѣха, какою изумительною представляется его карьера! Авантюристъ, чужой по происхожденію, по идеямъ, по темпераменту, не располагая ни богатствомъ, ни семейными связями, онъ путемъ упорныхъ усилій и безъ посторонней поддержки добирается до положенія лидера вліятельной партіи и становится руководителемъ могущественной аристократіи, правителемъ обширной имперіи, однимъ изъ четырехъ или пяти міровыхъ дѣятелей. Возвышеніе не вскружило ему головы. Онъ не дѣлается демагогомъ и никогда не унижается до обольщенія толпы обращеніемъ къ низкимъ инстинктамъ. Въ теченіе всей жизни онъ сохраняетъ извѣстную широту взгляда, подобающее

его положенію чувство достоинства и должное уваженіе къ традиціямъ древняго собранія, имъ руководимаго; получивъ же, наконецъ, въ свои руки судьбы Англіи, онъ сознаетъ величіе своего долга и по мѣрѣ своего разумѣнія старается обезпечить соотвѣтственное ей положеніе среди міровыхъ державъ. Каково бы ни было окончательное сужденіе о немъ исторіи, она не найдетъ въ длинныхъ лѣтописяхъ англійскаго парламента личности болѣе поразительной".

II.

В. Э. Гладстонъ.

Брайса съ Гладстономъ соединяли близкія дружескія отношенія еще въ то время, когда онъ былъ профессоромъ Оксфордскаго университета, а въ послѣднія десятилѣтія Брайсъ сталъ однимъ изъ постоянныхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ Гладстона, въ частности въ трудномъ ирландскомъ вопросѣ, въ области котораго Гладстонъ нашелъ въ немъ убѣжденнаго и энергичнаго сторонника гомруля. Эти обстоятельства не могутъ, казалось бы, не облегчать Брайсу задачи характеристики того, кто на склонѣ лѣтъ стяжалъ себѣ прозвище „Grand Old Man“. И однако же Брайсъ на первыхъ строкахъ своего этюда указываетъ, что изъ всѣхъ современныхъ дѣятелей личность Гладстона всего труднѣе поддается сжатой общей характеристикѣ.

Трудность эта обусловливается не только тѣмъ, что Гладстонъ въ теченіе болѣе полустолѣтія при-

нималъ настолько близкое участіе въ государственныхъ дѣлахъ, что очеркъ его парламентской жизни есть вмѣстѣ съ тѣмъ и лѣтопись политической исторіи Англіи за полвѣка, и, съ другой стороны, не тѣмъ, что Гладстонъ былъ чрезвычайно разностороненъ и постоянно проявлялъ дѣятельный интересъ къ литературной разработкѣ вопросовъ классической учености, вопросовъ религіозныхъ и церковно-политическихъ, финансовыхъ, международныхъ. Главный источникъ указанной трудности лежитъ въ сложности самой личности Гладстона.

Онъ представлялъ собою сильную индивидуальность, которая при всей своей цѣльности и законченности была проникнута чертами столь противоположными, что странно было видѣть сочетаніе ихъ въ одномъ лицѣ. Его съ одинаковымъ основаніемъ можно было назвать и консерваторомъ, и революціонеромъ. Въ высшей степени впечатлительный, при чемъ ему нерѣдко приходилось страдать отъ этой впечатлительности, Гладстонъ вмѣстѣ съ тѣмъ не только былъ осмотрителенъ и остороженъ, но даже представлялся хитрымъ, такъ что его склонны были обвинять въ лукавствѣ и притворствѣ. Уваженіе къ традиціямъ было въ немъ такъ сильно, что онъ до конца оставался вѣренъ тѣмъ устарѣлымъ взглядамъ на происхожденіе гомеровскихъ поэмъ и на время составленія книгъ Вет-

хаго Завѣта, которые отвергаются почти всѣми компетентными спеціалистами. Съ другой стороны, въ области практической политики онъ проявлялъ удивительную смѣлость, которая выразилась и въ глубокихъ конституціонныхъ реформахъ, имъ проведенныхъ или намѣченныхъ, и въ рѣзкой перемѣнѣ курса въ англійской политикѣ на ближнемъ Востокѣ, и въ упраздненіи государственной церкви въ Ирландіи, при чемъ онъ былъ склоненъ провести ту же мѣру въ Шотландіи и Уэльсѣ. Онъ былъ глубоко-религіозенъ и безусловно преданъ традиціямъ англиканской церкви, и однако, въ послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни, онъ являлся признаннымъ лидеромъ англійскихъ нонконформистовъ и шотландскихъ пресвитеріанцевъ.

Никто изъ близко знавшихъ Гладстона никогда не сомнѣвался въ его полной искренности и убѣжденности, а между тѣмъ въ послѣдніе годы жизни для огромнаго большинства высшихъ классовъ онъ являлся эгоистичнымъ прожектеромъ, готовымъ ради своего честолюбія пожертвовать самыми дорогими интересами страны. Въ различныя эпохи его жизни одни и тѣ же учрежденія были предметомъ то горячей защиты его, то рѣзкихъ нападеній, но это ни мало не носило характера непослѣдовательности, такъ какъ его мышленіе и аргументація всегда были проникнуты однѣми и тѣми же основными чертами. Лица,

наблюдавшія его склонность къ такимъ противорѣчіямъ въ началѣ его карьеры, могли думать, что онъ погибнетъ жертвою этой склонности. И дѣйствительно, она могла бы оказаться пагубною для человѣка съ меньшею силою воли и меньшею твердостью характера. Въ Гладстонѣ же горячность его натуры и та страстность, которую онъ вносилъ въ преслѣдованіе задачи, занимавшей его въ данный моментъ, сливали вмѣстѣ всѣ его противорѣчивыя свойства, и отъ сочетанія ихъ возрастала, въ общей суммѣ, та сила, которую онъ проявлялъ.

Многія особенности сложной личности Гладстона находятъ себѣ объясненіе въ условіяхъ его политической карьеры, но предварительно Брайсъ счелъ нужнымъ подчеркнуть три обстоятельства, оказавшія глубокое вліяніе на развитіе Гладстона: шотландское происхожденіе его, пребываніе въ Оксфордскомъ университететѣ и то обстоятельство, что политическая дѣятельность его началась подъ воздѣйствіемъ сэра Роберта Пиля.

Гладстонъ родился (въ 1809 г.) въ Ливерпулѣ и въ теченіе всей жизни сохранялъ ланкаширскій акцентъ, но по крови, до послѣдней ея капли, какъ онъ самъ любилъ говорить, онъ былъ шотландскаго происхожденія: и по отцу, семья котораго происходила изъ равнинной части Шотландіи, и со стороны матери, родомъ изъ горной

Шотландіи. Сравнительно съ англичанами шотландцы отличаются большею впечатлительностью, страстностью, способностью въ данный моментъ всецѣло увлечься чѣмъ-нибудь однимъ. Въ умственномъ отношеніи шотландцевъ характеризуетъ склонность къ абстракціямъ, къ установленію извѣстныхъ общихъ началъ и логическому извлеченію изъ нихъ дальнѣйшихъ выводовъ. Въ шотландцахъ смѣлѣе полетъ мысли, которая не довольствуется областью конкретныхъ фактовъ и болѣе склонна къ творчеству.

Эти черты выразительно сказались въ Гладстонѣ. Онъ питалъ особенное пристрастіе къ діалектическому процессу мышленія и аргументированія. Онъ любилъ, начиная разсужденіе по какому-нибудь вопросу, установить нѣсколько твердыхъ общихъ положеній, обнимающихъ предметъ въ его цѣломъ, и затѣмъ принимался за выведеніе изъ этихъ положеній другихъ, которыя имѣли бы ближайшее примѣненіе къ данному вопросу. Въ увлеченіи этимъ методомъ, который представляетъ много привлекательнаго, онъ нерѣдко приходилъ однако къ такимъ выводамъ, которые не встрѣчали признанія со стороны заурядныхъ слушателей, ибо эти выводы, хотя и были правильными заключеніями изъ установленныхъ общихъ положеній, шли вразрѣзъ съ очевиднымъ смысломъ фактовъ. При своемъ пылкомъ темпераментѣ

онъ отличался склонностью быстро воспламенять-ся, и это свойство могло бы оказаться опаснымъ, если бы оно не умѣрялось большимъ самообла-даніемъ и способностью контролировать себя. Въ Гладстонѣ оно удачно гармонировало съ тою не-посредственностью, которая составляла одну изъ привлекательныхъ особенностей его, и развивало вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайную настойчивость и непреодолимую энергію, возвышавшія его надъ общимъ уровнемъ государственныхъ дѣятелей.

Университетскіе годы въ Оксфордѣ оставили неизгладимый слѣдъ въ умственномъ и нравствен-номъ обликѣ Гладстона Подъ вліяніемъ того ре-лигіозно-философскаго движенія, которое въ то время начиналось въ Оксфордѣ и которое впо-слѣдствіи сдѣлалось столь извѣстнымъ подъ на-званіемъ „трактаріанизма“, въ Гладстонѣ развились религіозное чувство и глубокій интересъ къ теоло-гическимъ вопросамъ, не покидавшіе его до конца жизни Увлеченіе этими вопросами вызвало въ немъ даже желаніе по окончаніи университетскаго курса (въ 1831 г.) посвятить себя духовной карьерѣ, но отъ рѣшительнаго шага въ этомъ направленіи его удер-жалъ отецъ, не сочувствовавшій намѣреніямъ сына.

Въ слѣдующемъ году, 23-хъ-лѣтнимъ юношей, Гладстонъ вступилъ въ парламентъ членомъ то-рійской партіи, которою въ то время руководилъ сэръ Робертъ Пиль. Блестящія дарованія Глад-

стона нашли себѣ оцѣнку, и уже въ 1834 г. онъ былъ привлеченъ къ участію въ торійскомъ министерствѣ. Пиль былъ въ высшей степени осторожный лидеръ. Понимая всю необходимость зорко и вдумчиво слѣдить за признаками времени и измѣняющимися теченіями общественнаго мнѣнія, онъ былъ чрезвычайно сдержанъ. Даже тогда, когда онъ приходилъ къ сознанію необходимости измѣнить свою политику, онъ воздерживался отъ публичнаго оглашенія своихъ намѣреній, пока не настанетъ удобный для того моментъ и пока не выяснятся всѣ детали практическаго осуществленія задуманнаго мѣропріятія.

Эти свойства Пиля оказали глубокое воздѣйствіе на его ученика, сдѣлавшись характерными чертами складывавшейся политической физіономіи Гладстона. На почвѣ ихъ въ немъ развились осторожность и крайне бережное отношеніе къ существующему, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему свойственна была горячая пылкость реформатора. Эти противорѣчивыя склонности не разъ давали поводъ къ упрекамъ его въ непослѣдовательности и неустойчивости,—упрекамъ неосновательнымъ, ибо онъ никогда не былъ непослѣдователенъ въ собственномъ смыслѣ этого слова и еще менѣе перемѣнчивъ, будучи по своимъ основнымъ убѣжденіямъ и складкѣ мышленія однимъ изъ самыхъ твердыхъ и упорныхъ людей.

Въ теченіе всей продолжительной политической карьеры Гладстона поразительнымъ представляется то рѣзкое различіе во взглядахъ, которое проявлялось въ отношеніи къ нему со стороны его соотечественниковъ. Правда, всѣ единодушно признавали въ немъ безграничную энергію и блестящія ораторскія качества. Но дальше этого единодушіе не шло. Одни обвиняли его въ софистикѣ, безразсудствѣ, недостаткѣ патріотизма, погонѣ за властью. Другіе однако не только отвергали всѣ эти обвиненія, но и восхищались его высокимъ благородствомъ и нравственнымъ энтузіазмомъ, рѣдкимъ въ государственномъ дѣятелѣ. Анализъ основныхъ духовныхъ свойствъ и политическихъ склонностей Гладстона покажетъ, какой изъ этихъ противорѣчивыхъ взглядовъ на него ближе къ истинѣ. Теперь же достаточно будетъ отмѣтить, что въ числѣ причинъ, вызвавшихъ ошибочное представленіе о немъ, главною было сочетаніе въ одномъ лицѣ такихъ противоположныхъ свойствъ, какъ, съ одной стороны, крайняя впечатлительность и страстность темперамента, и съ другой—осторожность и консерватизмъ интеллекта. Немногимъ было понятно это сочетаніе; еще меньше было такихъ, которые могли уловить въ немъ объясненіе многаго изъ того, что въ образѣ дѣйствій Гладстона вызывало недоумѣніе.

Наиболѣе характерную особенность въ духов-

номъ обликѣ Гладстона составляли основныя свойства его ума—ясность, гибкость, свѣжесть и живость, — свойства, которыя онъ сохранялъ до конца дней.

У большинства людей съ переходомъ за 35-тилѣтній возрастъ рѣдко складываются новые взгляды, какъ рѣдко и завязываются новыя дружескія отношенія. Умственная любознательность можетъ сохраняться и по наступленіи 50-ти лѣтъ, но сфера ея суживается по мѣрѣ того, какъ человѣкъ утрачиваетъ надежду овладѣть знаніями, выходящими изъ круга его обычныхъ занятій. Подъ вліяніемъ жизненныхъ разочарованій у людей съ годами притупляется склонность вѣрить въ благотворность перемѣнъ или приниматься за что-нибудь новое.

Въ Гладстонѣ мы видимъ иное. 80-тилѣтнимъ старикомъ онъ былъ способенъ увлекаться новою интересною книгою (какъ это было, напримѣръ, съ біографіей кардинала Маннинга) съ такою же страстностью, съ какою, будучи 14-ти лѣтъ, онъ настойчиво совѣтовалъ юному Артуру Стэнли (впослѣдствіи декану Вестминстерскаго аббатства) достать и прочесть поэмы Грэя, которыя онъ только-что прочелъ самъ. Разносторонній въ своей любознательности, онъ постоянно слѣдилъ за всѣми отраслями литературы (кромѣ естественныхъ и математическихъ наукъ)

и былъ въ курсѣ новѣйшихъ теченій мысли и запросовъ общественнаго мнѣнія Но хотя живой и вѣчно дѣятельный умъ дѣлалъ его доступнымъ воздѣйствію новыхъ доктринъ (за исключеніемъ богословской области), свойственная ему осторожность побуждала его воздерживаться отъ провозглашенія новыхъ взглядовъ до той поры, пока не завершится окончательно процессъ превращенія этихъ взглядовъ въ непоколебимыя убѣжденія. Понадобилось 14 лѣтъ, съ 1846 по 1860 г., для того, чтобы онъ, оставивъ вмѣстѣ съ Пилемъ торійскую партію, окончательно примкнулъ къ либеральному лагерю. Понадобилось пять бурныхъ лѣтъ непрестанной работы надъ ирландскимъ вопросомъ (1880—1885), прежде чѣмъ онъ окончательно призналъ необходимость гомруля для Ирландіи, хотя для близко знавшихъ его уже въ 1882 г. замѣтны были ясные признаки поворота въ убѣжденіяхъ.

Въ глазахъ людей поверхностныхъ, не привыкшихъ взвѣшивать свои мнѣнія, перемѣны во взглядахъ у Гладстона были проявленіями его демагогическихъ стремленій или по меньшей мѣрѣ показателями его неустойчивости. Но въ странѣ съ развитымъ общественнымъ мнѣніемъ, съ постоянными измѣненіями въ складѣ экономическихъ условій, съ которыми должно считаться законодательство, въ странѣ, въ которой политическое

значеніе и соотношеніе высшихъ, среднихъ и низшихъ классовъ подверглось за послѣднія 70 лѣтъ такимъ глубокимъ перемѣнамъ,—не могъ бы быть пригоденъ для общественнаго служенія государственный дѣятель, склонный упорно держаться тѣхъ доктринъ, съ которыми онъ выступилъ въ жизнь. Ему нужно, если, конечно, онъ не желаетъ остаться въ полной изолированности, или подчинить свои взгляды общему настроенію своей партіи и оказаться въ необходимости проводить мѣропріятія, которымъ онъ въ глубинѣ души не сочувствуетъ, или же онъ, съ рѣшимостью въ случаѣ необходимости покинуть свою партію, долженъ присматриваться къ событіямъ и быть готовымъ пересмотрѣть свои взгляды при свѣтѣ новыхъ запросовъ и неустранимыхъ обстоятельствъ. Присущія Гладстону гордость и добросовѣстность исключали возможность первой альтернативы, а вторая представлялась совершенно естественной при неусыпной дѣятельности его живого ума, доступнаго новымъ идеямъ и склоннаго извлекать уроки изъ протекавшихъ передъ нимъ событій.

Упреки людей, желавшихъ видѣть въ Гладстонѣ проявленія погони за популярностью, льстиваго отношенія къ народнымъ массамъ, которыхъ онъ будто бы стремился привлечь широкими обѣщаніями, Брайсъ энергично отвергаетъ, говоря,

что ни въ одномъ изъ великихъ популярныхъ людей не было такъ мало демагогическихъ наклонностей. Гладстонъ, конечно, понималъ, что государственный дѣятель не можетъ дальше извѣстныхъ предѣловъ противостоять общему желанію и что онъ долженъ иногда идти на уступки передъ нимъ въ маломъ для того, чтобы быть въ состояніи руководить людьми въ болѣе существенномъ. Подобно другимъ, и онъ чувствовалъ себя обязаннымъ приниматься за разрѣшеніе, на его взглядъ, неважныхъ вопросовъ только потому, что они волновали общество. Повременамъ, особенно въ послѣдніе годы, онъ, уступая желаніямъ своихъ сотрудниковъ, давалъ свое одобреніе мѣропріятіямъ, въ которыхъ самъ былъ очень мало заинтересованъ. Но онъ всегда былъ вождемъ, лидеромъ: онъ велъ за собою людей, а не шелъ за другими, и если подчасъ ошибался, то скорѣе потому, что иногда недостаточно чутко прислушивался къ біенію пульса общественнаго мнѣнія.

При всей медленности процесса созрѣванія собственныхъ своихъ взглядовъ Гладстонъ былъ склоненъ забывать, что его послѣдователи не переживали вмѣстѣ съ нимъ этого процесса, и потому его рѣшенія иногда оказывались неожиданностью для его партіи, какъ и для всей націи. Въ трехъ случаяхъ особенно сильное удивленіе вызвали заявленія Гладстона: въ 1867 г.—о рѣшеніи упразд-

нить государственную церковь въ Ирландіи, въ 1876 г. о необходимости отступить отъ традиціонной англійской политики въ отношеніи къ поддержанію Турціи и въ 1886 г. — заявленія о гомрулѣ для Ирландіи. И ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ заявленіямъ Гладстона не предшествовало выраженіе народныхъ желаній. Не онъ шелъ за массами, а массы усвоивали провозглашенные имъ взгляды. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ его, пожалуй, скорѣе можно было упрекнуть въ томъ, что о необходимости измѣнить политику онъ не заявилъ раньше. Свойственную ему осторожность онъ иногда проводилъ черезчуръ далеко, не только въ томъ отношеніи, что она вызывала неправильное истолкованіе его образа дѣйствій, но и въ томъ, что отъ этого страдали интересы партійной сплоченности. Особенно справедливо это въ отношеніи къ послѣднему изъ указанныхъ случаевъ: возможно, что болѣе раннія и болѣе полныя сообщенія о гомрулѣ предотвратили бы отпаденіе нѣкоторыхъ изъ его бывшихъ сотрудниковъ.

Способность чутко прислушиваться къ теченіямъ и запросамъ общественнаго мнѣнія и искусство разбираться въ нихъ составляютъ въ настоящее время главныя условія, которымъ долженъ отвѣчать государственный дѣятель. Но хотя они представляются и болѣе существенными, чѣмъ

умѣнье руководить законодательнымъ собраніемъ и сохранить сплоченность кабинета, однако и это искусство имѣетъ огромное значеніе, что обусловливается доминирующею ролью палаты общинъ въ системѣ англійскихъ политическихъ учрежденій. Человѣкъ, имъ не обладающій, не можетъ достигнуть высокаго положенія или, достигнувъ его, удержаться въ немъ. Одно время думали, что Гладстону недоступно это искусство. Когда въ 1864 г. ожидалась кончина лорда Пальмерстона и обстоятельства выдвигали въ качествѣ наиболѣе вѣроятнаго ему преемника Гладстона, то многіе указывали, что Гладстонъ не въ состояніи быть лидеромъ въ палатѣ. У него нѣтъ необходимаго такта, онъ слишкомъ впечатлителенъ, слишкомъ порывистъ, черезчуръ поглощенъ своими собственными идеями и совершенно неопытенъ въ искусствѣ обхожденія съ людьми. Когда же по прошествіи 25-тилѣтняго періода его безспорнаго властвованія надъ либеральною партіей, близился моментъ ухода его съ политической арены, у всѣхъ возникалъ вопросъ, какимъ образомъ либеральная партія сохранитъ свою сплоченность, утративъ такого лидера. Скептики 1864 г., привыкшіе къ пріемамъ Пальмерстона въ руководительствѣ палатою, упускали изъ вида, что не менѣе блестящій успѣхъ можетъ быть достигнутъ совершенно другими путями и что недостатки, сами по себѣ су-

щественные, могутъ съ избыткомъ возмѣщаться еще большими достоинствами.

Гладстону въ самомъ дѣлѣ свойственны были отчасти тѣ недостатки, которые ему приписывались. Крайняя впечатлительность иногда побуждала его выступать съ заявленіями, отъ которыхъ должно было бы удержать спокойное размышленіе. Билль о гомрулѣ 1886 года, по всей вѣроятности, былъ бы принятъ во второмъ чтеніи, еслибы оппозиціи не удалось подстрекнуть Гладстона къ заявленію, которое было истолковано въ смыслѣ взятія назадъ или ограниченія тѣхъ уступокъ, о которыхъ онъ незадолго передъ тѣмъ возвѣстилъ на митингѣ либеральной партіи.

Съ другой стороны, пренебрежительно относясь къ мелочнымъ свойствамъ человѣческой природы, онъ не былъ склоненъ развить въ себѣ такое искусство обращаться съ людьми, какимъ обладалъ Дизраэли. Будучи весьма простъ и всегда доступенъ, онъ однако не былъ привѣтливъ. У него была плохая память на лица; онъ рѣдко самъ заговаривалъ съ кѣмъ-нибудь не изъ круга близкихъ друзей и не разъ наживалъ себѣ враговъ тѣмъ, что не замѣчалъ или неудостоивалъ вниманія людей, которые, будучи именитыми у себя дома, ожидали встрѣтить такое же вниманіе къ себѣ и въ парламентѣ. Гордый, но почти свободный отъ тщеславія, онъ не въ состояніи былъ

понять, до какихъ размѣровъ можетъ доходить у людей склонность поддаваться побужденіямъ мелкаго честолюбія. Всегда поглощенный серьезными заботами, онъ часто пренебрегалъ такими второстепенными пріемами воздѣйствія на симпатіи людей, какъ приглашеніе къ обѣду или подходящій комплиментъ. Идеи и общественныя задачи интересовали его больше, чѣмъ отдѣльныя личности; бѣдствія націй или народныхъ массъ трогали его ближе и сильнѣе, чѣмъ судьба отдѣльныхъ лицъ.

. Но искусствомъ парламентской стратегіи въ широкомъ смыслѣ этого слова онъ обладалъ въ полной степени. Никто лучше его не зналъ парламентскихъ прецедентовъ, формъ и обрядовъ, никто не располагалъ такимъ искусствомъ уловить особенности даннаго положенія дѣлъ въ палатѣ и умѣло воспользоваться имъ, такимъ искусствомъ направить дебаты, избрать настоящій моментъ для уступки и достойнаго отступленія или же для энергической защиты и внезапнаго нападенія. Онъ былъ способенъ проявить удивительный тактъ и ловкость, когда наступалъ предусмотрѣнный имъ заранѣе кризисъ, какъ это было, напримѣръ, въ 1881 г. съ ирландскимъ земельнымъ биллемъ. Палата лордовъ внесла въ этотъ билль нѣсколько поправокъ, которыя подрывали значеніе этого мѣропріятія и могли повредить умиротворенію

Ирландіи. Ожидался серьезнѣйшій конфликтъ И въ парламентѣ, и въ странѣ царило крайне возбужденное настроеніе. Гладстонъ одинъ сохранялъ спокойствіе и увѣренность. Онъ предложилъ рядъ компромиссовъ и разъяснилъ ихъ въ серіи рѣчей, проникнутыхъ духомъ примиренія. И такъ искусенъ былъ его образъ дѣйствій, что при помощи незначительныхъ уступокъ, давшихъ удовлетвореніе лордамъ, ему удалось спасти всѣ существенныя постановленія билля.

Своему ораторскому таланту Гладстонъ всего болѣе обязанъ былъ завоеванною имъ славою, а въ тѣ годы, когда еще не вполнѣ опредѣлились выдающіяся качества его, какъ государственнаго дѣятеля, и когда, переставъ быть торіемъ, онъ еще не перешелъ въ ряды либеральной партіи, ораторскій талантъ былъ главнымъ, если не единственнымъ источникомъ его вліянія.

Репутація великаго оратора, во мнѣніи потомства, покоится либо на свидѣтельствѣ современниковъ о томъ впечатлѣніи, какое ораторъ производилъ на нихъ, либо на внутреннемъ достоинствѣ самаго текста рѣчей. Послѣднему критерію отвѣчаютъ очень немногіе изъ знаменитыхъ ораторовъ, и Гладстонъ не принадлежитъ къ ихъ числу. Изъ среды ораторовъ новѣйшихъ эпохъ можно, пожалуй, указать лишь немногихъ французскихъ проповѣдниковъ, изъ англичанъ—Борка и Маколея,

а также американца Даніеля Вебстера, какъ ораторовъ, рѣчи которыхъ стали классическими произведеніями, находящими себѣ и понынѣ читателей. Рѣчей Гладстона черезъ 20 лѣтъ не будетъ читать никто, кромѣ, конечно, историковъ. Ихъ перестали читать даже при жизни его. Онѣ черезчуръ длинны, растянуты, загромождены деталями. Въ нихъ нѣтъ богатства и отдѣлки стиля, который придавалъ бы интересъ предметамъ, утратившимъ практическое значеніе. И такому забвенію подверглись, за исключеніемъ немногихъ рѣчей или скорѣе отрывковъ, всѣ рѣчи такихъ блестящихъ ораторовъ, какъ Граттанъ, Шерпданъ, Питтъ, Фоксъ, Эрскинъ, Каннингъ, Брумъ, Пилль, Брайтъ. Можно, пожалуй, даже установить какъ общее положеніе (и примѣры Борка и Маколея показываютъ, что оно вовсе не парадоксально), что ораторами, вызывающими восторги потомства, рѣдко являются тѣ, на долю которыхъ выпадаетъ наибольшій успѣхъ передъ современной имъ аудиторіей.

Но если о Гладстонѣ судить по тому впечатлѣнію, какое онъ производилъ своими рѣчами, то его нельзя не признать первоклассным ораторомъ. У него не было такой блестящей чарующей дикціи, какъ у Брайта, но въ общемъ никого изъ ораторовъ-современниковъ Гладстона, — ни лорда Дерби, ни лорда Биконсфильда, ни лорда

Кэрнса,—нельзя поставить рядомъ съ нимъ. Даже и Брайта онъ далеко превосходилъ силою и убѣдительностью своихъ рѣчей, способностью воодушевить сторонниковъ и сразить противниковъ.

Тѣ недостатки, которыми страдали рѣчи Гладстона — нѣкоторая растянутость, иногда многословіе, недостаточная концентрированность — съ избыткомъ возмѣщались многими важными достоинствами. Имъ присущи были чрезвычайная яркость и образность, помогавшія ему самыя скучныя матеріи оживлять яркими образами, удачными цитатами и примѣрами. Изложеніе отличалось удивительною ясностью и точностью, замѣчательною стройностью аргументовъ. Но превыше всего въ ряду тѣхъ качествъ, которыя плѣняли слушателей, стояли находчивость и воодушевленность, съ одной стороны, и необыкновенная выразительность—съ другой.

Онъ никогда не терялся ни передъ какими неожиданностями со стороны своихъ оппонентовъ и всегда умѣлъ широко использовать какой-нибудь непредвидѣнный инцидентъ. Даже въ послѣдніе три года своей парламентской дѣятельности, когда его зрѣніе ослабѣло до того, что онъ почти не могъ читать, и когда глухота его усилилась настолько, что онъ не слышалъ и половины изъ того, что говорилось въ палатѣ, достаточно было кому-нибудь изъ коллегъ шепнуть ему въ здоро-

вое ухо нѣсколько словъ въ поясненіе того, какъ стоитъ дѣло, онъ поднимался и либо импровизировалъ яркую аргументацію, либо со свойственнымъ ему искусствомъ достойно ретировался съ позиціи, которая по ходу преній оказывалась недостаточно твердою. Обладая рѣдкимъ даромъ во время произнесенія рѣчи продолжать процессъ мышленія, онъ могъ, очаровывая слушателей потокомъ блестящихъ фразъ, одновременно съ этимъ складывать въ своей головѣ (это замѣтно было по выраженію его глазъ) стройную систему новыхъ аргументовъ, которые и развивалъ затѣмъ нѣсколькими минутами позже.

Его рѣчи были полны воодушевленія и горячей убѣжденности, которыя передавались его слушателямъ. И это обусловливалось не тѣмъ, что онъ въ совершенствѣ владѣлъ даромъ реторическаго выраженія, а тѣмъ, что онъ дѣйствительно самъ чувствовалъ имъ выражаемое. Въ довершеніе всего онъ въ высокой степени обладалъ внѣшними качествами оратора: сильнымъ звучнымъ голосомъ, пріятныя модуляціи котораго производили неотразимое впечатлѣніе, и удивительно-выразительною жестикуляціею.

Хотя ораторскій талантъ былъ главнымъ источникомъ вліянія Гладстона и въ парламентѣ, и за стѣнами его, однако стремленіе нѣкоторыхъ изъ его недоброжелателей видѣть въ немъ лишь бле-

стящаго ритора не можетъ не поражать своею абсурдностью всякаго, кто вникнетъ въ смыслъ и значеніе всей его дѣятельности. Риторъ вѣщаетъ и популяризируетъ чужія идеи, пропагандируетъ политическіе пріемы, выработанные другими, выражаетъ стремленія, уже усвоенныя данною партіею. Гладстонъ же самъ былъ источникомъ новыхъ идей и новыхъ политическихъ идеаловъ, самъ пробуждалъ новыя стремленія или указывалъ новые пути существующимъ. Не было въ немъ и тѣхъ разрушительныхъ тенденцій, которыя иногда приписывались ему. Въ немъ, наоборотъ, очень сильны были консервативные инстинкты. Какъ государственный дѣятель, онъ проявилъ творческій даръ въ не меньшей степени, чѣмъ Питтъ, Каннингъ и Пиль. И если бы совершенно утратилось воспоминаніе о немъ, какъ ораторѣ, онъ все-таки останется памятнымъ въ исторіи по тѣмъ слѣдамъ, которые онъ оставилъ въ англійскомъ законодательствѣ, по тѣмъ глубокимъ измѣненіямъ, которыя онъ внесъ въ конституцію своей родины и въ ея европейскую политику.

Три группы мѣропріятій останутся памятниками его искусства и энергіи. Къ первой относятся финансовыя реформы, проведенныя имъ въ 14-ти бюджетахъ въ періодъ 1853—1882 гг., изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны бюджеты 1853 и 1860 гг. Первый изъ нихъ характеризуется сокра-

щеніемъ и упрощеніемъ таможенныхъ пошлинъ (въ чемъ Гладстонъ продолжалъ дѣло Пиля), реформою подоходнаго налога и установленіемъ наслѣдственныхъ пошлинъ съ недвижимости (въ послѣднемъ мѣропріятіи, сопряженномъ съ большими техническими трудностями, Гладстонъ проявилъ особенное искусство и работоспособность). Бюджетъ 1860 г. памятенъ главнымъ образомъ отмѣною налога на бумагу; эта благодѣтельная мѣра, давшая возможность развиться дешевой прессѣ, была отвергнута палатою лордовъ, но въ слѣдующемъ году Гладстонъ сумѣлъ настоять на ея принятіи. Въ общемъ заслуги Гладстона въ области финансовой политики не уступаютъ заслугамъ Питта и Пиля.

Вторую группу великихъ мѣропріятій Гладстона составляютъ два билля о парламентской реформѣ 1866 и 1884 гг. и билль 1885 г. о новомъ распредѣленіи избирательныхъ округовъ. Первый изъ этихъ биллей, какъ извѣстно, не былъ принятъ, но въ 1867 году намѣченная имъ реформа была проведена кабинетомъ Дерби-Дизраэли. Реформы эти завершили процессъ демократизаціи англійскаго политическаго строя и имѣли столь же глубокое значеніе, какъ первый актъ о реформѣ 1832 г.

Къ третьей группѣ относятся мѣропріятія по отношенію къ Ирландіи: актъ 1869 г. объ отмѣнѣ

государственной церкви въ Ирландіи, земельный актъ 1870 г., билль объ университетской реформѣ 1873 г (отклоненный палатою общинъ), земельный актъ 1881 г. и два билля о гомрулѣ 1886 и 1893 гг. Всѣ эти мѣропріятія, въ которыхъ блестяще выразилась творческая дѣятельность Гладстона, не могутъ не вызвать высокой оцѣнки. Великое значеніе ихъ, какъ первыхъ рѣшительныхъ шаговъ къ мирному разрѣшенію ирландскаго вопроса, становится особенно яснымъ теперь, послѣ проведенія грандіозной реформы выкупа земель—реформы, на которую вмѣстѣ съ тѣмъ не безъ основанія смотрятъ какъ на предвѣстницу и политическаго гомруля для Ирландіи.

Въ области иностранной политики Гладстонъ хотя и не былъ великимъ дипломатомъ, также оставилъ замѣтный слѣдъ своими начинаніями въ которыхъ широко проявились его глубокій умъ и вѣра въ благотворность высокихъ гуманныхъ принциповъ. Изъ отдѣльныхъ случаевъ Брайсъ подчеркиваетъ особенно слѣдующіе. Въ 1851 г. Гладстонъ, еще будучи торіемъ, издалъ блестящій памфлетъ о жестокостяхъ бурбонскаго управленія въ Неаполѣ,—памфлетъ, который немало содѣйствовалъ пробужденію сочувствія къ національному движенію въ Италіи. Въ 1870 г. кабинетъ Гладстона поспѣшнымъ заключеніемъ трактата о нейтральности Бельгіи предупредилъ возможность

вовлеченія Бельгіи въ войну между Франціей и Пруссіей. Въ 1871 г. заключеніемъ вашингтонскаго договора, предусматривавшаго третейское разбирательство алабамскаго вопроса, онъ не только создалъ важный для будущаго прецедентъ, но и обезопасилъ Англію отъ роковой опасности, которая могла бы угрожать ея океанской торговлѣ въ случаѣ войны съ какою-либо европейскою державою. Въ 1876 г. энергическій протестъ Гладстона противъ Турціи, вызванный болгарскими ужасами, создалъ въ англійскомъ общественномъ мнѣніи новыя теченія, столь неблагопріятныя для стремленій Дизраэли, что министерство послѣдняго вынуждено было отказаться отъ активной поддержки Турціи, и этимъ Гладстонъ въ значительной степени содѣйствовалъ окончательному освобожденію Болгаріи, Восточной Румеліи и Босніи отъ мусульманской тиранніи. И въ послѣдніе годы своей жизни Гладстонъ выступилъ съ новымъ горячимъ призывомъ къ дѣятельной защитѣ христіанъ на Востокѣ (по поводу армянскихъ убійствъ), доказывая необходимость британскаго вмѣшательства.

„Что онъ былъ правъ,—говоритъ по этому поводу Брайсъ,—когда въ 1876—1878 гг. проводилъ свою точку зрѣнія на желательный образъ дѣйствій Англіи въ отношеніи къ Турціи, нынѣ признается даже его противниками. Что онъ былъ правъ и въ 1896 г., когда призывалъ къ активной

защитѣ христіанъ на Востокѣ, вѣроятно, также обнаружится черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ, когда полнѣе выяснятся фактическія обстоятельства и тѣ благопріятныя условія, которыя въ то время были на лицо для рѣшительныхъ дѣйствій, не сопряженныхъ съ рискомъ европейской войны, Въ обоихъ случаяхъ Гладстономъ руководили не однѣ лишь религіозныя симпатіи, но и политическая дальновидность".

Поставивъ главною своею задачею дать характеристику Гладстона, какъ политическаго дѣятеля, Брайсъ однако удѣляетъ мѣсто и анализу другихъ сторонъ этой замѣчательной, богато одаренной личности. Болѣе подробно онъ останавливается на обзорѣ литературныхъ работъ Гладстона, въ связи съ характеристикою тѣхъ научныхъ интересовъ, которые постоянно занимали его и были для него источникомъ глубокаго внутренняго удовлетворенія особенно въ періоды менѣе напряженной политической дѣятельности и въ послѣдніе годы жизни. При всемъ благоговѣніи передъ обаятельною личностью Гладстона, Брайсъ сохраняетъ полную объективность и нимало не преувеличиваетъ, напр. достоинства и значенія его литературныхъ произведеній.—Не вкладываетъ онъ большого субъективизма и въ освѣщеніе личныхъ свойствъ Гладстона, какъ частнаго человѣка и члена общества, давая однако прекрасный мате-

ріалъ для возсозданія нравственнаго облика Гладстона, преисполненаго во всѣхъ отдѣльныхъ черточкахъ достоинства, великодушія и высокаго благородства—того „grand style“, которымъ всего сильнѣе проникнуто было его краснорѣчіе и который находился въ столь разительномъ контрастѣ съ пріемами, характеризовавшими нѣкоторыхъ изъ антагонистовъ Гладстона.

„Великій поэтъ или великій художникъ,—говоритъ въ заключеніе своего этюда Брайсъ,—живетъ до тѣхъ поръ, пока живутъ произведенія поэта или картины художника; государственный дѣятель, подобно пѣвцу или актеру, умираетъ съ послѣдними звуками своего голоса, если онъ не властвовалъ надъ людьми своей эпохи и историческими судьбами своей страны до такой степени, что личность его остается неразрывно связанной съ событіями, въ которыхъ онъ игралъ направляющую роль. Этому критерію Гладстонъ отвѣчалъ, и слава его останется жить. О краснорѣчіи его скоро сохранится лишь одно преданіе, такъ какъ въ печатномъ текстѣ его рѣчи не сохраняютъ своей обаятельности. Если нѣкоторыя изъ его книгъ и впредь будутъ читаться, то скорѣе потому, что это *его* книги, чѣмъ потому, что бы онѣ представляли собою вѣчный вкладъ въ сокровищницу знаній. Окончательное сужденіе о мудрости его политики, внѣшней и внутренней, опредѣлится не

только по тѣмъ результатамъ, которые уже выступаютъ передъ нами, но и по тѣмъ отдаленнымъ послѣдствіямъ, которыя еще скрываетъ отъ насъ будущее. И однако въ его дѣйствіяхъ есть нѣчто такое, съ чѣмъ не можетъ не считаться исторія и что навсегда сохранитъ память о немъ, объ его энергіи и смѣлости. Всякій, кто развернетъ лѣтопись Англіи за знаменательные годы съ 1843 по 1894 г. и на каждой страницѣ ея встрѣтитъ имя Гладстона, пойметъ, какъ велика должна была быть духовная сила человѣка, такъ внѣдрившагося въ исторію своего времени, и пожелаетъ узнать что-нибудь объ этой замѣчательной личности, всегда высоко выступавшей надъ волнующимися массами".

III.

Ч. Парнель.

Сравнительно съ такими замѣчательными государственными дѣятелями, какъ Гладстонъ и Дизраэли, личность Парнеля представляется гораздо менѣе выдающеюся. Уступая и тому, и другому по степени и свойству своихъ дарованій, Парнель къ тому же поставленъ былъ въ своей исторической роли въ такія условія, при которыхъ его дарованія не могли не получить односторонняго развитія. Въ этихъ условіяхъ не было мѣста для проявленія его творческихъ талантовъ, такъ какъ онъ никогда не стоялъ у власти, примѣненіе которой открываетъ политическому дѣятелю широкое поле для всесторонняго проявленія и ума—его силы, глубины, гибкости,—и характера, и нравственныхъ качествъ. Но въ кругѣ тѣхъ болѣе ограниченныхъ интересовъ, въ области которыхъ пришлось дѣйствовать Парнелю, личность

его выразилась ярко, оставивъ глубокій слѣдъ въ политической жизни Англіи несмотря на кратковременность его участія въ ней.

Принятая въ началѣ 1903 г. парламентомъ реформа, въ корнѣ измѣняющая систему земельныхъ отношеній, которыя до сихъ поръ являлись главнымъ источникомъ недовольства въ Ирландіи, естественно вызываетъ въ памяти интересную фигуру руководителя ирландской національной партіи въ той смѣлой и настойчивой борьбѣ, которую вела эта небольшая численно, но крѣпко сплоченная группа. Борьба эта, наиболѣе рѣшительные моменты которой пріурочиваются къ первой половинѣ 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія, находится въ тѣсномъ соотношеніи съ новѣйшею аграрною реформою, которая, по общему признанію, даетъ удовлетворительное разрѣшеніе экономической стороны ирландскаго вопроса, такъ энергично выдвинутаго въ указанный періодъ.

Какъ ни содержательна характеристика Парнеля, даваемая Брайсомъ, она не удовлетворитъ читателя, который пожелалъ бы получить въ ней ключъ къ полному уразумѣнію условій, создавшихъ значеніе руководимой Парнелемъ партіи. Въ изложеніи Брайса нѣтъ матеріаловъ для освѣщенія особенностей самой этой партіи, въ которой лежало нѣчто своеобразное, дѣйствовавшее нерѣдко независимо отъ свойствъ лидера и, въ общемъ итогѣ,

нѣчто болѣе сильное, чѣмъ его личность. Но физіономія Парнеля, съ его положительными качествами и отрицательными, несимпатичными и подчасъ отталкивающими сторонами, выступаетъ въ очеркѣ Брайса съ достаточною яркостью.

Чарльзъ Стюартъ Парнель былъ родомъ изъ семьи, переселившейся въ эпоху Реставраціи (во второй половинѣ XVII вѣка) изъ Англіи въ Ирландію, въ графство Виклоу. Въ числѣ его предковъ было нѣсколько выдающихся лицъ: поэтъ Томасъ Парнель, другъ Попа и Свифта; сэръ Джонъ Парнель, бывшій канцлеромъ ирландскаго казначейства въ ту пору, когда въ Ирландіи еще былъ свой парламентъ; сэръ Генри Парнель, который былъ замѣтнымъ членомъ ирландской партіи въ палатѣ общинъ (онъ окончилъ жизнь самоубійствомъ въ 1842 г.). Дѣдъ и отецъ Парнеля не заявили себя ничѣмъ особеннымъ, но мать его была замѣчательная женщина. Она была дочерью также весьма замѣчательнаго человѣка, коммодора Чарльза Стюарта, одного изъ блестящихъ командировъ въ составѣ американскаго флота въ эпоху войны 1812 года. Стюартъ же принадлежалъ къ семьѣ смѣшаннаго шотландско-ирландскаго происхожденія, которая переселилась изъ Ольстера (въ Ирландіи) въ Америку въ серединѣ XVIII вѣка. Такимъ образомъ, въ Парнелѣ была отчасти шотландская, отчасти англійская кровь.

Онъ родился въ 1846 году въ Авонделѣ, родовомъ помѣстьѣ въ графствѣ Виклоу; воспитывался онъ въ частныхъ школахъ въ Англіи. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ провелъ въ Кембриджѣ, въ Magdalen College, но вслѣдствіе участія въ уличной дракѣ былъ увезенъ въ деревню. Вернуться въ Кембриджъ онъ отказался, не закончивъ такимъ образомъ курса систематическаго образованія. Учился онъ вообще плохо и неохотно, проявляя лишь нѣкоторый интересъ къ математикѣ и увлекаясь крикетомъ.

Въ 1874 году онъ выступилъ кандидатомъ въ парламентъ, но безуспѣшно; попытка его произнести рѣчь завершилась полнѣйшею неудачею. Однако уже въ 1875 г. онъ былъ избранъ членомъ парламента отъ графства Мисъ и въ первые же годы заявилъ себя энергичнымъ дѣятелемъ ирландской партіи. Въ 1880 году онъ былъ избранъ лидеромъ партіи, которую онъ, проявляя желѣзную волю и удивительную смѣлость, велъ до 1890 г., когда онъ былъ лишенъ званія лидера по настояніямъ руководителей англійской либеральной партіи, находившихъ, что неблагопріятный для него приговоръ по дѣлу о разводѣ между супругами О'Ши дискредитируетъ его въ глазахъ англійской либеральной партіи и дѣлаетъ невозможною дальнѣйшую совмѣстную съ нимъ работу. Парнель не пожелалъ сложить съ себя званіе лидера и пред-

принялъ въ Ирландіи рѣшительную кампанію противъ большинства своихъ бывшихъ соратниковъ. Онъ велъ ее до своей смерти, послѣдовавшей въ ноябрѣ 1891 года, послѣ кратковременной болѣзни, которой не могъ выдержать его некрѣпкій организмъ, къ тому же расшатанный тревогами и усиленною дѣятельностью.

Такимъ образомъ, политическая дѣятельность Парнеля обнимаетъ непродолжительный періодъ въ 16 лѣтъ, изъ которыхъ въ теченіе десяти онъ былъ предводителемъ ирландской національной партіи, располагая такою абсолютною надъ нею властью, какой не имѣлъ ни одинъ изъ ирландскихъ лидеровъ—ни Граттанъ, ни даже О'Коннель.

При оцѣнкѣ значенія Парнеля не разъ обращалось вниманіе на то, что онъ собственно не былъ ирландцемъ и что, можетъ-быть, онъ такъ успѣшно велъ за собою ирландскій народъ именно потому, что наиболѣе характерныя слабости этого народа не были присущи ему. Но съ одинаковымъ основаніемъ можно сказать, что онъ не былъ и англичаниномъ: ему были чужды многія изъ наиболѣе типическихъ особенностей англичанъ. Едва ли однако вообще можно подмѣтить въ немъ рѣзкія черты принадлежности къ той или другой расовой категоріи. Онъ былъ вполнѣ своеобразенъ и по уму, и по характеру.

Это былъ прежде всего умъ практическій, совершенно несклонный къ абстрактному мышленію и вполнѣ равнодушный къ интеллектуальнымъ интересамъ, какъ таковымъ. Не отличаясь любознательностью, Парнель даже по исторіи Ирландіи и въ области конституціонныхъ вопросовъ имѣлъ въ высшей степени скудныя познанія. При выработкѣ схемы гомруля въ 1886 г. онъ не могъ оказать никакого содѣйствія. Онъ былъ мало начитанъ, и въ его рѣчахъ не видно было сколько-нибудь основательнаго знакомства ни съ исторіей, за предѣлами общеизвѣстныхъ фактовъ, ни съ какою-либо иною отраслью знаній, стоящихъ въ связи съ политикою. Въ рѣдкихъ случаяхъ можно уловить въ нихъ какое-нибудь отвлеченное сужденіе, которое имѣло бы общее приложеніе, независимо отъ ближайшаго предмета обсужденія въ данный моментъ.

Въ отношеніи къ литературной отдѣлкѣ своихъ рѣчей онъ не проявлялъ ни малѣйшей заботливости. Все въ нихъ было сухо, прямолинейно, практично. И однако онъ вовсе не производилъ впечатлѣнія малообразованнаго человѣка. Изложеніе его, не будучи изящнымъ, всегда было ясно и правильно. Онъ просто не находилъ нужнымъ работать надъ многими изъ тѣхъ деталей, надъ которыми обыкновенно работаютъ подобные ему выдающіеся люди. Помимо практической политики

онъ интересовался только механикой и инженернымъ дѣломъ въ связи съ развитіемъ матеріальныхъ рессурсовъ своей страны. Съ другой стороны, онъ усердно занимался хозяйствомъ въ своемъ помѣстьѣ, стараясь въ особенности сдѣлать что-нибудь изъ находившихся тамъ минеральныхъ залежей.

Многіе, видя, что дѣятельность Парнеля сводится почти всецѣло къ нападкамъ на мѣропріятія или образъ дѣйствія лицъ, управляющихъ Ирландіей, были склонны думать, что его дарованія ограничиваются лишь критическимъ талантомъ. Они ошибались. Обладая дѣйствительно замѣчательнымъ даромъ острой критики, способностью безпощадно разсѣкать доводы противника и изумительно ловко подхватывать малѣйшій промахъ въ аргументаціи или фальшивый шагъ въ администраціи, Парнель вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ и положительными, творческими дарованіями. Иногда онъ, отрѣшившись отъ разрушительной критической работы, намѣчалъ какія-нибудь законодательныя схемы, и онѣ всегда отличались основательностью и послѣдовательностью. Это, правда, были не широкіе замыслы государственнаго дѣятеля, а скорѣе планы искуснаго дѣльца, передъ которымъ факты, особенно финансовыя детали, выступали съ полною отчетливостью. Въ идеяхъ его чувствовалась непринужденность, независимость; видно

было, что онѣ представляютъ продуктъ его собственныхъ размышленій, исходною точкою которыхъ является самостоятельное наблюденіе вещей, какъ онѣ обрисовываются передъ нимъ, а не какъ онѣ окрашиваются партійными чувствами и стремленіями.

Въ ошибку впадаютъ и тѣ, которые считаютъ умъ его узкимъ. При всей ограниченности круга интересовъ, занимавшихъ Парнеля, умъ его никакъ нельзя назвать неширокимъ. Постигая все, къ чему бы ни приходилось ему прикасаться, онъ судилъ здраво и умѣлъ охватить явленіе во всемъ его объемѣ, въ чемъ ему много помогало безстрастное отношеніе и къ вещамъ, и къ людямъ. Если работа этого ума не возбуждала въ наблюдателѣ того удовольствія, какое обыкновенно доставляетъ развитіе мысли у человѣка съ широкимъ умомъ, то это объясняется тѣмъ, что у Парнеля, несклоннаго къ обобщеніямъ, работа ума всегда была направлена къ какой-нибудь непосредственной цѣли: мышленіе, не будучи для него само по себѣ источникомъ наслажденія, являлось лишь полезнымъ орудіемъ выполненія той опредѣленной практической работы, которой въ данный моментъ требовала отъ него воля.

Болѣе значительный интересъ представляетъ характеръ Парнеля со многими своеобразными чертами, не позволяющими подвести его подъ

какую-нибудь опредѣленную формулу. Если держаться стариннаго способа объяснять характеръ какимъ-нибудь однимъ преобладающимъ въ данномъ лицѣ свойствомъ, то можно, пожалуй, сказать, что у Парнеля основною чертою была гордость. Гордость столь безграничная, что она почти подавляла всякое тщеславіе. Парнель не искалъ случая произвести эффектъ, оставался равнодушнымъ къ такимъ внѣшнимъ проявленіямъ успѣха, какъ восторженныя рукоплесканія толпы, а въ палатѣ общинъ неизмѣнно сохранялъ одинаковое хладнокровіе и передъ знаками одобренія, и передъ неистовымъ выраженіемъ негодованія. Онъ пренебрежительно относился ко всякимъ проявленіямъ свѣтскаго общенія, рѣдко принималъ приглашеніе къ обѣду, одѣвался небрежно и часто показывался въ такомъ платьѣ, которое и по своему покрою, и по цвѣту не соотвѣтствовало его положенію. По отношенію къ своимъ ближайшимъ товарищамъ онъ держался высокомѣрно, не допуская почти никого до интимности и не терпя фамильярнаго обращенія. Съ другими онъ былъ учтивъ, но чрезвычайно сдержанъ и никогда не обнаруживалъ ни малѣйшаго желанія вступить съ кѣмъ-либо въ болѣе близкія отношенія, предпочитая не выходить за предѣлы чисто дѣловаго общенія. Въ такихъ общепринятыхъ мелочахъ, какъ своевременный отвѣтъ на полученное письмо,

онъ, особенно въ послѣдніе годы, позволялъ себѣ небрежность, недопускаемую требованіями приличія; и въ этомъ многіе не безъ основанія усматривали выраженіе крайне пренебрежительнаго отношенія его ко всему и всѣмъ, кромѣ самого себя.

Подобное пренебреженіе онъ нерѣдко проявлялъ и въ болѣе важныхъ случаяхъ, игнорируя напр., нападки на себя, которыя онъ могъ бы съ успѣхомъ опровергнуть, или стараясь показать англичанамъ глубокое равнодушіе къ ихъ одобренію или порицанію. Замѣчательный въ этомъ отношеніи эпизодъ имѣлъ мѣсто въ 1883 году. Въ началѣ сессіи этого года Форстеръ, въ длинной рѣчи, произведшей огромное впечатлѣніе въ палатѣ общинъ, выступилъ съ суровыми обвиненіями противъ Парнеля, возлагая на него, какъ на главу партіи, отвѣтственность за попустительство и косвенное поощреніе преступныхъ дѣяній, совершавшихся въ Ирландіи при явномъ стремленіи членовъ ирландской партіи замалчивать и даже покрывать такія дѣянія. Парнель выслушалъ это рѣзкое обвиненіе въ безстрастномъ безмолвіи, лишь однажды нарушивъ его вскользь брошеннымъ замѣчаніемъ, и не всталъ, чтобы отвѣтить Форстеру. Не безъ труда удалось приверженцамъ Парнеля побудить его выступить съ защитою на слѣдующій день. Ко всеобщему удивленію, защита эта состояла лишь въ краткомъ заявленіи, произ-

несенномъ холоднымъ, небрежнымъ, почти презрительнымъ тономъ,—заявленіи, что за все, что бы онъ ни говорилъ или ни дѣлалъ въ Ирландіи, онъ отвѣтственъ только передъ своими соотечественниками и что ему въ высокой степени безразлично, что̀ могутъ думать о немъ англичане.

Впрочемъ и къ своимъ соотечественникамъ онъ склоненъ былъ питать немалое пренебреженіе, считая, что они должны предоставить ему самому судить объ его образѣ дѣйствій. Онъ позволялъ себѣ не посѣщать засѣданій парламента по цѣлымъ недѣлямъ, несмотря на то, что тамъ обсуждались очень важные предметы, и готовъ былъ совершенно игнорировать общественный контроль надъ собою. И это дѣлалось не преднамѣренно, а просто потому, что въ немъ была привычка думать прежде всего и болѣе всего о себѣ самомъ. Разъ задумавъ сдѣлать что-нибудь, онъ могъ удержать себя отъ этого лишь подъ напоромъ какого-нибудь новаго внутренняго побужденія или серьезнаго интереса, но никакъ не подъ воздѣйствіемъ чужого мнѣнія или опасенія вызвать неодобреніе сотоварищей.

Безграничной самоувѣренности и независимости Парнель болѣе всего обязанъ былъ своимъ успѣхомъ какъ лидеръ. Вѣра его въ свою звѣзду внушала ему убѣжденіе, что тѣ препятствія, которыя отчетливо выступаютъ въ его сознаніи, въ концѣ-

концовъ будутъ сокрушены его желѣзною волею. Присущая ему увѣренность передавалась партіи и являлась главною основою ея повиновенія ему и убѣжденія въ его мудрости. Характеризовавшія его спокойствіе, упорство, выдержка, привычка, спокойно выслушавъ другихъ, оставлять окончательное рѣшеніе за собою,—все это изобличало присутствіе въ немъ твердой воли, внушавшей какъ парламентскимъ коллегамъ его, такъ и массамъ ирландскаго народа безграничную покорность, въ которой не было или почти не было мѣста чувствамъ личной привязанности.

Горделивая самоувѣренность, во многомъ помогавшая Парнелю, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ положительно вредила ему. У людей съ недостаточно развитымъ нравственнымъ чувствомъ внутреннюю порядочность иногда успѣшно возмѣщаетъ уважительное отношеніе къ мнѣнію другихъ: въ стремленіи сохранить собственное достоинство и оберечь свое доброе имя, они нерѣдко воздерживаются отъ такихъ дѣйствій, которыя могутъ вызвать основательное осужденіе. Такія свойства были чужды Парнелю и не могли явиться противовѣсомъ его высокомѣрію. Въ его натурѣ нравственный элементъ не получилъ широкаго развитія. Помимо обстоятельствъ, обнаружившихся въ связи съ упомянутымъ выше бракоразводнымъ процессомъ, или предательскаго отношенія къ конфи-

денціальнымъ сообщеніямъ Гладстона, или опрометчиваго призыва, съ которымъ онъ въ послѣдній годъ своей жизни обратился къ самымъ мятежнымъ элементамъ въ Ирландіи, Парнель уже и въ началѣ своей дѣятельности обнаруживалъ немалое пренебреженіе къ правдѣ и довольно спокойно взиралъ на ужасы преступленій. Ему не чужды были цинизмъ и грубость, которые въ связи съ надменностью парализовали значеніе для него общепринятыхъ нравственныхъ критеріевъ. Что бы онъ ни дѣлалъ, онъ былъ правъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, а до всѣхъ остальныхъ ему не было дѣла.

При всей страстности своей натуры Парнель отличался и удивительною выдержкою, которая нерѣдко предохраняла его отъ черезчуръ рѣзкаго образа дѣйствій. Обыкновенно онъ былъ хладнокровенъ, серьезенъ, осмотрителенъ. Въ палатѣ общинъ онъ никогда не терялъ самообладанія, даже въ послѣднюю сессію, несмотря на саркастическія замѣчанія своихъ прежнихъ сторонниковъ, и только низкія, почти шипящія ноты въ голосѣ выдавали иногда происходившую въ немъ внутреннюю борьбу. Но во время избирательной кампаніи въ Кильженни въ декабрѣ 1890 г., когда онъ боролся за свою жизнь, онъ не разъ приходилъ въ такое яростное раздраженіе отъ враждебныхъ замѣчаній, что стоявшіе позади его вынуж-

дены были принимать мѣры, чтобы онъ не бросился въ толпу на того, кто позволилъ себѣ высказаться противъ него. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ терялъ самообладаніе, оно быстро къ нему возвращалось. Послѣ какой-нибудь бурной сцены на совѣщаніи съ членами своей партіи Парнель, къ удивленію многихъ, спокойно, иногда положивъ руку на плечо, говорилъ съ тѣмъ, кто только-что своими возраженіями вызвалъ противъ себя бурю негодованія своего лидера. Это не могло быть проявленіемъ чуждаго Парнелю благодушія, а было выраженіемъ или сознательнаго разсчета, или гордости, не позволявшей ему чувствовать обиду со стороны тѣхъ, кого онъ привыкъ считать своими вѣрноподданными. Благожелательнаго отношенія къ людямъ у него не было, и, какъ кажется, за всю жизнь онъ не имѣлъ ни одного близкаго друга.

Парнель одинъ изъ очень немногихъ политическихъ дѣятелей своимъ вліяніемъ ни мало не былъ обязанъ ораторскому таланту. У него совершенно не было дарованій блестящаго оратора, и только съ годами, практикой, онъ пріобрѣлъ способность плавной, свободной рѣчи. Онъ говорилъ просто, ясно и сухо, и въ его рѣчахъ не было вовсе той цвѣтистости, которую считаютъ характерною особенностью ирландскаго краснорѣчія. Главное достоинство его рѣчей состояло въ ихъ

ясности, въ полномъ соотвѣтствіи съ даннымъ предметомъ и его практическими потребностями. Въ нихъ кромѣ того всегда чувствовалось, что говоритъ человѣкъ, который ведетъ за собою цѣлую націю и чья предусмотрительность нерѣдко вполнѣ оправдывалась. Онъ обыкновенно тщательно подготовлялъ свои рѣчи и произносилъ ихъ, имѣя передъ собою подробныя замѣтки; но подготовка касалась главнымъ образомъ существа дѣла, но никакъ не внѣшней отдѣлки рѣчей. Когда ему приходилось неожиданно вступать въ пренія, говорить безъ подготовки, онъ ограничивался краткими, энергичными и прямо идущими къ дѣлу замѣчаніями, при чемъ онъ въ сильной степени обладалъ даромъ попасть въ больное мѣсто противника,—даромъ, имѣющимъ огромное значеніе въ собраніяхъ. Онъ былъ находчивъ и всегда чутко понималъ, какого оборота требуютъ обстоятельства даннаго момента.

Въ тонкомъ знаніи парламентской процедуры и практики онъ уступалъ одному Гладстону, и поэтому не удивительно, что замѣчанія его по вопросамъ процедуры всегда отличались основательностью и вѣскостью. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ сессіи 1889 и 1890 гг. онъ занималъ второе мѣсто въ палатѣ общинъ: если его, какъ дебатера, превосходили пять—шесть другихъ членовъ парламента, то съ точки зрѣнія

интереса, какой вызывали его рѣчи, и впечатлѣнія, какое онѣ производили, онъ уступалъ только одному Гладстону. Съ годами въ Парнелѣ все полнѣе складывались черты настоящаго государственнаго человѣка, и въ его политическихъ пріемахъ выступала большая широта. Но и въ этотъ періодъ его рѣчи не отличались тѣмъ вдохновеніемъ и тѣмъ возвышеннымъ благородствомъ, которыхъ естественно было бы ожидать отъ человѣка, ведшаго свой народъ къ побѣдѣ и уже снискавшаго уваженіе въ средѣ одной изъ двухъ великихъ англійскихъ политическихъ партій.

Знатокъ процедуры, Парнель былъ и замѣчательнымъ парламентскимъ тактикомъ. Вскорѣ по вступленіи въ палату общинъ онъ открылъ ея слабое мѣсто и создалъ такую усовершенствованную систему обструкціи, что она рѣшительно парализовала дѣеспособность парламента и привела къ необходимости выработать въ періодъ между 1878 и 1888 гг. новые пріемы и правила процедуры. Свой немногочисленный, но хорошо дисциплинированный батальонъ онъ велъ съ удивительнымъ искусствомъ. Очень требовательный по отношенію къ соблюденію партійныхъ правилъ, онъ однако охотно уступалъ какому-нибудь теченію въ средѣ своихъ коллегъ, если видѣлъ, что это не повредитъ интересамъ дѣла. Нерѣдко бывало, что когда англійскіе члены парламента, дѣйство-

вавшіе вмѣстѣ съ нимъ по какому-нибудь вопросу, просили его обезпечить спокойствіе въ средѣ ирландской партіи и дать возможность произвести голосованіе, онъ отвѣчалъ, что, вполнѣ признавая основательность ихъ предположеній о наступленіи благопріятнаго для голосованія момента, онъ однако не можетъ надѣть намордникъ на своихъ коллегъ, если они чувствуютъ потребность высказаться. Лучшимъ доказательствомъ такта, съ которымъ онъ руководилъ группою, въ составѣ которой было немало людей съ блестящими дарованіями, служитъ тотъ фактъ, что въ средѣ ея не было ни одного случая серьезнаго недовольства имъ вплоть до того момента, когда въ 1890 году, послѣ разрыва между нимъ и либеральною партіею, сложилось убѣжденіе, что сохраненіе лидерства за Парнелемъ можетъ угрожать интересамъ дѣла.

Что касается политическихъ взглядовъ и политическихъ склонностей Парнеля, то многіе—и англичане, и ирландцы—полагаютъ, что въ глубинѣ души онъ былъ консерваторомъ, сторонникомъ сильной власти и права собственности. Они утверждаютъ, что если бы образованъ былъ, согласно предложенной Гладстономъ въ 1886 г. схемѣ, ирландскій парламентъ и составленъ былъ бы ирландскій кабинетъ для завѣдыванія внутреннимъ управленіемъ Ирландіи, то Парнель явился

бы неустранимымъ и, пожалуй, деспотическимъ лидеромъ партіи власти и порядка. Въ глазахъ представителей этого мнѣнія совмѣстная дѣятельность Парнеля съ аграрными агитаторами, начиная съ 1879 г. и позднѣе, была просто политическимъ орудіемъ къ обезпеченію поддержки въ борьбѣ за гомруль.

Многое, по мнѣнію Брайса, можно сказать въ пользу изложенныхъ взглядовъ на Парнеля. Хотя ему пришлось стать во главѣ революціоннаго движенія и хотя онъ, повидимому, готовъ былъ въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни обратиться съ призывомъ къ настоящей революціонной партіи, онъ ни по своему темпераменту, ни по убѣжденіямъ не былъ революціонеромъ. Остававшіеся въ Ирландіи представители прежней феніанской группы и особенно крайніе феніанцы, принимавшіе дѣятельное участіе въ образованіи тайныхъ мятежныхъ и динамитардныхъ кружковъ, недолюбливали Парнеля и не довѣряли ему. На арену политической борьбы его толкнули прежде всего ненависть къ Англіи и желаніе возстановить, если возможно, прежнюю національную независимость Ирландіи или по крайней мѣрѣ отдѣльный парламентъ. Но онъ не былъ сторонникомъ демократической нивеллировки, а еще менѣе онъ былъ склоненъ къ тѣмъ соціалистическимъ доктринамъ, которыя исповѣдывала группа Дэвитта. Онъ не стремился

къ „искорененію лэндлордизма“, и въ ирландскомъ законодательномъ собраніи, вѣроятно, былъ бы силою сдерживающею и умѣряющею.

Можетъ показаться страннымъ, что человѣкъ съ такимъ холоднымъ разсудкомъ и съ такою выдержкою, не разъ проявившій способность переживать временныя превратности при твердой увѣренности въ конечномъ торжествѣ, могъ совершить такую роковую ошибку, которая повредила его репутаціи и сократила ему жизнь. А именно ошибкою было его упорное стремленіе удержать за собою руководительство партіей, тогда какъ благоразуміе должно было бы подсказать рѣшимость отказаться отъ него. Когда Парнель обратился за совѣтомъ къ Сесилю Родсу, тотъ совѣтовалъ ему временно устраниться. Удаленіе его могло бы быть непродолжительно. Если бы онъ послѣ приговора по дѣлу о разводѣ, въ ноябрѣ 1890 г., уѣхалъ за границу мѣсяцевъ на восемь или на десять, предоставивъ партіи избрать другого предсѣдателя для очередной сессіи, онъ могъ бы затѣмъ вернуться въ палату общинъ и, безъ сомнѣнія, черезъ нѣкоторое время снова сдѣлался бы лидеромъ. Никто не могъ бы оспаривать его права на это. Къ несчастію, горделивая самоувѣренность не допустила его преклониться передъ необходимостью. Очень вѣроятно, что онъ не могъ отдать себѣ отчета въ томъ негодованіи, какое вызвали въ

англійскомъ обществѣ разоблаченія его образа дѣйствій, сдѣланныя во время процесса о разводѣ между супругами О'Ши: по натурѣ онъ былъ циниченъ, а съ другой стороны—ему было извѣстно, что поведеніе его не составляетъ секрета для многихъ изъ членовъ парламента. Къ тому же онъ издавна привыкъ пренебрежительно относиться къ англійскому общественному мнѣнію и не испытывалъ отъ этого особенныхъ непріятностей. Письмо Гладстона и вызванное этимъ письмомъ движеніе въ ирландской партіи въ пользу устраненія Парнеля раздражили его до крайности. Задѣтое самолюбіе и безграничная самоувѣренность парализовали его благоразуміе и толкнули на рѣшеніе вступить въ отчаянную борьбу. Обстоятельства вскорѣ обнаружили, что онъ преувеличивалъ свою силу въ Ирландіи, хотя, въ самомъ началѣ раскола въ средѣ ирландской партіи, не одинъ лордъ Солсбери, но многіе и въ Ирландіи, и въ Англіи предсказывали, что онъ восторжествуетъ. Въ рѣшимости Парнеля пойти на разрывъ съ англійскою либеральною партіею, лишь бы не допустить никого другого до руководительства ирландскими націоналистами, большую роль играло также и то обстоятельство, что онъ былъ фаталистъ и слишкомъ вѣрилъ въ свою звѣзду и свою миссію: черта, характерная у людей суевѣрныхъ (а онъ былъ суевѣренъ) и съ болѣзненною складкою.

Какъ бы ни относиться къ послѣднимъ моментамъ политической дѣятельности Парнеля, нельзя не удивляться тому, какъ онъ быстро выдвинулся исключительно благодаря силѣ своего ума и твердой волѣ, такъ какъ онъ не располагалъ ни богатствомъ, ни семейными связями, ни иными благопріятными для политической карьеры условіями. Когда онъ, будучи уже тридцати лѣтъ, вступилъ въ парламентъ, онъ не отличался ни даромъ слова, ни опытностью въ политической борьбѣ; но присущій ему талантъ руководить людьми, широкая иниціатива, умѣніе обнаружить слабыя стороны противника и искусство воздѣйствовать на нихъ дали почувствовать себя въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; онъ безъ труда занялъ руководящее положеніе въ средѣ ирландскихъ націоналистовъ и мало-по-малу завоевалъ себѣ видное мѣсто въ ряду наиболѣе замѣчательныхъ дѣятелей въ вѣковой борьбѣ Ирландіи за независимость.

IV.

Д. Р. Гринъ.

Особую группу въ серіи біографическихъ этюдовъ Брайса составляютъ очерки, посвященные тремъ современнымъ англійскимъ историкамъ. Въ этихъ очеркахъ элементъ чисто біографическій занимаетъ еще меньше мѣста, чѣмъ въ этюдахъ о политическихъ дѣятеляхъ, и все вниманіе автора сосредоточивается на характеристикѣ личности писателя, на анализѣ особенностей въ пониманіи имъ задачъ исторіи, пріемовъ ея изученія и обработки, наконецъ, на оцѣнкѣ значенія научной дѣятельности даннаго лица. И съ Гриномъ, и съ Фриманомъ, и съ лордомъ Актономъ Брайсъ находился въ близкихъ личныхъ отношеніяхъ, и это обстоятельсто придаетъ особенную живость его характеристикамъ.

Джонъ Ричардъ Гринъ родился въ 1837 г. въ Оксфордѣ, гдѣ и получилъ среднее и высшее образованіе. Во время университетскаго курса онъ своими блестящими дарованіями обратилъ на себя вниманіе Стэнли, который былъ тогда профессоромъ церковной исторіи и который, повидимому, оказалъ немалое вліяніе на возбужденіе въ молодомъ человѣкѣ интереса къ изученію исторіи Окончивъ курсъ въ 1860 г., Гринъ однако не готовилъ себя къ ученой карьерѣ и въ томъ же году принялъ священническій санъ и былъ назначенъ викарнымъ священникомъ въ Лондонѣ. Духовную службу онъ несъ въ теченіе восьми лѣтъ, изъ которыхъ особенно памятными для него остались три года служенія въ приходѣ св. Филиппа, въ Степнеѣ, одномъ изъ самыхъ бѣдныхъ уголковъ Лондона. Съ большимъ рвеніемъ онъ изучалъ нужды своихъ прихожанъ, горячо входилъ въ ихъ интересы, стараясь помогать имъ и нравственнымъ вліяніемъ, и матеріальною поддержкою. Отдавая на нужды своихъ бѣдныхъ прихожанъ все, что онъ получалъ по должности, Гринъ ради увеличенія заработка принялся писать въ еженедѣльномъ журналѣ Saturday Review. Усиленная работа по приходу надломила его здоровье, никогда не отличавшееся крѣпостью, и въ концѣ-концовъ онъ, чувствуя себя не въ силахъ продолжать трудную дѣятельность, рѣшился принять предложенную ему архі-

епископомъ Тэтомъ должность завѣдующаго библіотекою въ архіепископскомъ дворцѣ

Занятія по библіотекѣ не отнимали у Грина много времени, и онъ получилъ возможность всецѣло отдаться литературнымъ и научнымъ занятіямъ. Онъ много писалъ для Saturday Review, отчасти по соціальнымъ вопросамъ, главнымъ же образомъ давалъ обзоры новыхъ книгъ по исторіи, представлявшія собою обстоятельные историческіе этюды, написанные притомъ съ выдающимся литературнымъ талантомъ. Въ своихъ занятіяхъ по изученію исторіи Гринъ встрѣтилъ горячую поддержку и полезное содѣйствіе со стороны Фримана и Стеббса, которыхъ онъ любилъ называть своими учителями. Вліяніе обоихъ этихъ замѣчательныхъ историковъ на Грина не парализовало однако развитія въ немъ совершенно оригинальныхъ особенностей.

Первоначально Гринъ намѣревался заняться эпохою англійскихъ королей Анжуйской династіи и собралъ немало матеріаловъ по исторіи этого періода. Но монографіи этой онъ такъ и не написалъ. Когда у Грина обнаружилась легочная болѣзнь, возбудившая серьезныя опасенія и заставившая его провести зиму 1870—1871 г. въ Санъ-Ремо, друзья уговорили его заняться такою работою, которая могла бы привлечь къ себѣ большее вниманіе, чѣмъ избранная имъ отдаленная эпоха.

Въ результатѣ упорнаго труда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, прерывавшагося болѣзнью, вынуждавшею Грина проводить зимніе мѣсяцы за границей, явилась знаменитая „Краткая исторія англійскаго народа“ (Short History of the English People), изданная въ 1874 г. Успѣхъ ея былъ чрезвычайный. Она раскупалась нарасхватъ: достаточно глубокая, чтобы заинтересовать ученыхъ, она была въ то же время настолько общедоступной, чтобы сдѣлаться школьнымъ пособіемъ. Она выдержала массу изданій и была переведена на многіе иностранные языки [1]). „Ни одна историческая книга со времени „Исторіи“ Маколея, — говоритъ Брайсъ,—не имѣла такого успѣха и не читалась съ такою жадностью. А Гринъ находился въ менѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ его великій предшественникъ. Маколей былъ уже извѣстенъ, когда появилась его „History of England“; съ другой стороны, по свойству широкаго плана своей работы Маколей имѣлъ возможность оживлять изложеніе множествомъ отдѣльныхъ эпизодовъ и сообщеніемъ личныхъ деталей. Гринъ не былъ извѣстенъ за предѣлами небольшого круга друзей, такъ какъ не напечаталъ за подписью ничего, кромѣ нѣсколькихъ статей въ ежемѣсячныхъ жур-

[1]) Русскій переводъ Н. Н. Шамонина, въ трехъ выпускахъ, появился въ Москвѣ въ 1897—1900 гг.

налахъ и въ изданіяхъ археологическихъ обществъ, а по плану своей книги, имѣвшей на 820 страницахъ дѣло съ четырнадцатью вѣками англійской національной жизни, онъ долженъ былъ сжато излагать факты и не могъ вносить въ книгу подробности. Сжатое изложеніе очень трудно сдѣлать интереснымъ, такъ какъ приходится говорить въ общихъ фразахъ, избѣгать деталей, излагать факты, недостаточно освѣщая и оттѣняя ихъ. Но таково уже было его искусство, и въ литературномъ отношеніи, и съ точки зрѣнія исторической обработки, что его наброски явились болѣе привлекательными и поучительными, чѣмъ законченныя картины многихъ другихъ писателей".

Въ 1876 г. онъ принялъ единственный разъ въ жизни (если не считать поддержки имъ кандидатуры одного рабочаго на парламентскихъ выборахъ 1868 г.) непосредственное участіе въ политической жизни. Когда, подъ вліяніемъ опасенія надвигавшейся войны между Англіей и Россіей, образовалась для противодѣйствія туркофильской политикѣ лорда Биконсфильда Eastern Question Association, Гринъ вошелъ въ составъ исполнительнаго комитета этой ассоціаціи и былъ избранъ однимъ изъ пяти членовъ подкоммиссіи [1]), которой было

[1]) Остальными членами ея были Брукъ, сэръ Джорджъ Юнгъ, поэтъ Вильямъ Моррисъ и Джемсъ Брайсъ.

поручено изготовить манифестъ о созваніи митинга делегатовъ изъ всѣхъ частей страны (этотъ митингъ состоялся въ декабрѣ 1876 г.). Гринъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ комитета до самаго окончанія его занятій послѣ Берлинскаго конгресса.—По своимъ политическимъ убѣжденіямъ Гринъ всю жизнь былъ горячимъ либераломъ; въ отношеніи къ ирландскому вопросу онъ сдѣлался сторонникомъ гомруля еще прежде, чѣмъ Гладстонъ поставилъ его задачею либеральной партіи.

Изъ позднѣйшихъ историческихъ работъ Грина необходимо отмѣтить, во-первыхъ, сдѣланную имъ переработку „Краткой исторіи“ въ четырехтомную „History of the English People“ [1]) и, во-вторыхъ, двѣ монографіи изъ области древнѣйшихъ періодовъ исторіи Англіи „The Making of England“ (1882) и „The Conquest of England“ (1883). Онъ уже раньше задумывалъ заняться изученіемъ первыхъ вѣковъ англійской исторіи, а теперь его рѣшимость обработать малоизслѣдованную эпоху на основаніи самостоятельныхъ изысканій въ источникахъ окрѣпла, между прочимъ подъ вліяніемъ неблагопріятнаго отношенія къ нему нѣкоторыхъ критиковъ, утверждавшихъ по поводу „Краткой исторіи“, что онъ—лишь попу-

[1]) Русскій пер. П. Н. Николаева, въ 4-хъ том., изд. Солдатенковымъ въ 1891—1893 гг.

ляризаторъ чужихъ идей. Обѣ названныя монографіи представляютъ собою солидные научные труды, впервые освѣтившіе многія стороны древнѣйшаго періода англійской исторіи. Книга „The Conquest of England“, изданная уже послѣ смерти автора, явилась послѣднею работою Грина, которую (какъ и предыдущую) онъ могъ закончить лишь благодаря постоянному сотрудничеству жены своей, помогавшей ему въ собираніи источниковъ и писавшей подъ его диктовку. Онъ умеръ въ мартѣ 1883 г., на сорокъ—шестомъ году.

Приступая къ характеристикѣ Грина какъ историка, Брайсъ указываетъ, какими свойствами и способностями долженъ обладать историкъ Первымъ изъ этихъ свойствъ является обстоятельность, стремленіе къ точности въ установленіи малѣйшихъ подробностей. Второе условіе составляетъ острая наблюдательность, которая позволяла бы въ незначительной, повидимому, детали уловить базисъ для извѣстнаго обобщенія или усмотрѣть отраженіе извѣстнаго общаго принципа. Въ третьихъ, историкъ долженъ обладать способностью разсуждать здраво и спокойно, умѣньемъ подвергнуть тщательному взвѣшиванію какъ свои, такъ и чужіе выводы и обобщенія. Два послѣднія условія составляютъ то, что̀ называется критическою способностью, т. е. умѣньемъ располагать матеріалами для установленія или устраненія,

съ одной стороны, фактическихъ положеній, и съ другой—тѣхъ общихъ заключеній, которыя строятся на группировкѣ фактовъ. Въ-четвертыхъ, историкъ долженъ обладать развитымъ воображеніемъ, которое позволяло бы ему возсоздать живую картину жизни отдаленной эпохи со всѣми ея тревогами и волненіями, надеждами и вѣрованіями, страхами и радостями. Къ указаннымъ четыремъ свойствамъ едва ли нужно прибавлять еще даръ литературнаго изложенія, такъ какъ литературный талантъ, т. е. прежде всего способность заинтересовать, не можетъ не быть присущъ тому, кто обладаетъ тремя послѣдними изъ указанныхъ свойствъ

Съ точки зрѣнія этихъ свойствъ можно раздѣлить историковъ на двѣ группы, смотря по тому, преобладаетъ ли въ нихъ развитое воображеніе, или критическая способность. Великій историкъ долженъ обладать обоими этими свойствами, но они могутъ быть присущи не въ одинаковой степени. Типичнымъ представителемъ второй группы историковъ можно признать Ѳукидида, такъ какъ въ немъ особенно выступаетъ элементъ критическій и философскій, хотя въ его произведеніяхъ имѣются и проявленія драматизма. Характернымъ представителемъ первой группы является Геродотъ, въ которомъ преобладаетъ элементъ воображенія и художественности, хотя и ему вовсе не

чужды философскій взглядъ на вещи и критическое чутье.

Гринъ былъ историкомъ геродотовскаго типа. Правда, онъ обладалъ и свойствами, характеризующими другой типъ: въ немъ были элементы критики, скептицизма, философскаго взгляда на вещи. Но главною чертою его дарованія былъ элементъ развитого воображенія. Художественность и живость—вотъ какія черты рѣзче всего выступаютъ въ его „Short History".

Самъ Гринъ ставилъ Геродота выше Ѳукидида, и однажды, когда Брайсъ разсказалъ ему, какъ одинъ изъ профессоровъ Оксфордскаго университета, говоря о древнихъ историкахъ, заявилъ, что Геродотъ недостоинъ быть поставленнымъ рядомъ съ Ѳукидидомъ, Гринъ воскликнулъ: „Какъ ни великъ Ѳукидидъ, Геродотъ выше его и во всякомъ случаѣ драгоцѣннѣе! Его кругозоръ настолько шире!" По его мнѣнію, Геродотъ, для котораго все на свѣтѣ было интересно и который повѣдалъ намъ кое-что о всѣхъ странахъ, имъ видѣнныхъ или извѣстныхъ ему по разсказамъ другихъ, имѣлъ болѣе плодотворное представленіе объ исторіи, чѣмъ его аѳинскій преемникъ, который въ сущности ограничивался одною политикою въ узкомъ смыслѣ слова; даже глубокія размышленія Ѳукидида не имѣютъ такой цѣны для насъ, какъ море разнообразнѣйшихъ свѣдѣній, собранныхъ Геро-

дотомъ о древнемъ мірѣ, который во многихъ отношеніяхъ сталъ извѣстнымъ намъ только потому, что до насъ дошла его книга.

Такая оцѣнка весьма характерна для уясненія собственныхъ взглядовъ Грина на исторію. Онъ интересовался рѣшительно всѣмъ, такъ какъ его воображеніе всему находило мѣсто. Въ путешествіи ничто не ускользало отъ его вниманія, особенно же люди, которыхъ встрѣчалъ онъ и о которыхъ у него послѣ кратковременнаго знакомства складывалось опредѣленное представленіе. Онъ былъ въ высшей степени наблюдателенъ и иногда въ пустой подробности, на которую другіе не обращали вниманія, онъ умѣлъ уловить проявленіе какой-нибудь общей идеи

При ближайшемъ знакомствѣ съ Гриномъ ничто не поражало въ немъ такъ, какъ его глубокій интересъ къ людямъ, къ человѣческой жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, Если можно раздѣлить всѣхъ людей на двѣ категоріи, — такихъ, у которыхъ преобладающій интересъ лежитъ въ природѣ, и тѣхъ, кого болѣе всего интересуетъ человѣкъ и все то, что служитъ на благо человѣка, то Грина можно признать самымъ яркимъ представителемъ людей второй категоріи. Природою и всѣмъ окружающимъ онъ интересовался лишь постольку, поскольку это имѣетъ соприкосновеніе съ человѣческою жизнью. Онъ могъ

дать прекрасное описаніе видѣнныхъ имъ мѣстностей Ривьеры и Капри, гдѣ онъ проводилъ зиму, но непремѣнно въ соотношеніи съ жизнью людей, а не исключительно съ точки зрѣнія красоты пейзажа. Въ области искусства то же самое: онъ любилъ живопись и скульптуру, но въ разсказахъ о видѣнныхъ имъ въ Италіи драгоцѣнныхъ памятникахъ искусства прежде всего выступаетъ опять-таки интересъ къ людямъ; красоты техническія его не поражали, его занимало лишь то, что̀ выражаютъ художественныя произведенія.

Историку, чтобы понять изображаемое имъ прошлое, нужно хорошо знать настоящее и умѣть разобраться въ тѣхъ сложныхъ физическихъ и моральныхъ факторахъ, которые дѣйствуютъ среди насъ, для того, чтобы опредѣлить ихъ надлежащее значеніе во времени. Этимъ умѣньемъ Гринъ обладалъ въ высокой степени. Прошлое было для него какъ бы настоящимъ въ томъ смыслѣ, что онъ видѣлъ и чувствовалъ въ немъ не только тѣ важныя событія, которыя занесены въ лѣтописи или въ государственные документы, но и повседневную жизнь народа, его идеи, привычки, его жизненную обстановку. А настоящее было для него какъ бы прошлымъ въ томъ смыслѣ, что несмотря на свои опредѣленные политическіе взгляды онъ смотрѣлъ на настоящее глазами философа-наблюдателя, стараясь выдѣлить принципы изъ деталей,

постоянныя тенденціи изъ преходящихъ вспышекъ. Глубокій интересъ къ людямъ—основной мотивъ его „History of the English People“, дающей картину исторической жизни всего народа.

Указанныя свойства Грина, дѣлавшія его блестящимъ писателемъ, дополняются нѣкоторыми качествами, наличность которыхъ обезпечила ему видное мѣсто и какъ ученому-историку. Ему ставили въ упрекъ нѣкоторыя допущенныя имъ неточности, ошибки въ его „Short History“ Но эти упреки были преувеличены. Настоящая степень ихъ значенія выступаетъ изъ слѣдующаго авторитетнаго отзыва Стеббса, высокаго идеала исторической точности: „Подобно другимъ, Гринъ дѣлаетъ иногда ошибки; но исправленіе его ошибокъ едва ли въ чемъ задѣваетъ существо его изложенія или силу аргументаціи.. Его произведенія представляются всецѣло произведеніями научными и оригинальными; немногіе, кромѣ близко знавшихъ его, разглядятъ подъ чарующею легкостью и живостью его стиля глубокія изысканія и упорное усердіе трудолюбиваго ученаго“. Грину присущъ былъ и критическій даръ, въ особенности же острая наблюдательность и находчивость, которыя развили въ немъ конструктивную способность, проявившуюся всего болѣе въ его монографіи „The Making of England“.

Характеризуя заслуги Грина передъ англійскою

исторіею, Брайсъ считаетъ главною изъ нихъ ту, что онъ съ замѣчательнымъ искусствомъ изобразилъ жизнь англійскаго народа въ его развитіи и показалъ своимъ читателямъ, что подвиги королей, интриги министровъ, партійная борьба въ парламентѣ являются дѣломъ второстепеннымъ и имѣютъ значеніе главнымъ образомъ постольку, поскольку все это вліяетъ на народное благосостояніе или воздѣйствуетъ на мысли и стремленія тѣхъ массъ заурядныхъ людей, въ рукахъ которыхъ лежитъ будущее націи. Онъ отказался отъ устарѣлаго дѣленія англійской исторіи на извѣстные періоды по царствованіямъ и династіямъ, показавъ, что такое дѣленіе нерѣдко затемняетъ дѣйствительное соотношеніе между историческими явленіями, и предложилъ новую лучшую схему тѣхъ періодовъ, на которые естественно распадается культурное развитіе Англіи. Наконецъ, въ своихъ послѣднихъ книгахъ онъ положилъ твердое основаніе изученію начальной эпохи средневѣковой Англіи, проявивъ въ этихъ изслѣдованіяхъ большой созидательный талантъ.

Для многихъ читателей Грина естественнымъ представляется сближеніе его съ Маколеемъ. Но Брайсъ считаетъ болѣе основательнымъ сравненіе Грина съ Гиббономъ. Правда, между этими историками обнаруживается значительное различіе: Гринъ всецѣло человѣкъ XIX вѣка, тогда какъ

Гиббонъ—человѣкъ XVIII вѣка. Съ другой стороны, въ стилѣ Грина нѣтъ той величественности, которая отличаетъ изложеніе Гиббона. Но дарованіямъ Грина присуща черта, характеризовавшая и Гиббона, а именно — сочетаніе большого искусства оперировать надъ массою деталей съ широкимъ и яснымъ представленіемъ о тѣхъ разнообразныхъ силахъ и отношеніяхъ, которыя властвуютъ надъ судьбами народовъ и опредѣляютъ историческій ходъ ихъ развитія. Эти глубина и разносторонность, эта способность проникновенія во внутренній смыслъ фактовъ, получающихъ благодаря литературному таланту блестящее освѣщеніе, представляютъ собою высшій даръ историка, обезпечившій за Гриномъ видное мѣсто въ ряду наиболѣе замѣчательныхъ историковъ новаго времени.

V.

Э. Фриманъ.

Жизнь Эдуарда Августа Фримана еще менѣе, чѣмъ жизнь Грина, богата внѣшними событіями. Онъ родился въ 1823 г.. Получивъ первоначальное образованіе дома и въ частной школѣ, онъ поступилъ въ Оксфордскій университетъ, по окончаніи котораго (въ 1845 г.) жилъ въ провинціи, въ своемъ помѣстьѣ. Располагая достаткомъ, онъ не былъ вынужденъ искать какихъ-либо профессіональныхъ занятій и всю жизнь провелъ въ литературной и научной работѣ Только въ 1884 г. онъ (по рекомендаціи Гладстона) былъ назначенъ на каѳедру исторіи въ Оксфордѣ, освободившуюся за уходомъ проф. Стеббса на епископскую каѳедру

Фриманъ съ увлеченіемъ занимался исторіей. На ея задачи у него выработался довольно узкій взглядъ, который не соотвѣтствовалъ современнымъ успѣхамъ научныхъ знаній и который харак-

теризуется его любимою формулою: History is past politics and politics is present history (исторія есть политика прошлаго, политика — исторія настоящаго). Для него исторія представляется почти исключительно лѣтописью политическихъ событій, и ему казалось страннымъ, что религіозныя и философскія движенія, или явленія нравственныя и соціальныя, или изученіе экономическихъ условій могутъ занимать историковъ въ такой же степени и даже болѣе, чѣмъ вопросы государственнаго устройства или войны и международныя сношенія. Вполнѣ допуская основательность иныхъ, болѣе широкихъ взглядовъ на исторію сравнительно со своими, самъ онъ не имѣлъ склонности заняться чѣмъ-либо, что выходило за предѣлы политической концепціи исторіи. „Вы, Джонни,—говорилъ онъ Грину,—можете вводить въ кругъ своего изученія всѣ эти соціальные и религіозные предметы, но я не могу". Когда Фриману, уже знаменитому своими работами, пришлось быть въ Америкѣ для прочтенія курса лекцій, онъ съ большимъ интересомъ присматривался къ особенностямъ федеральной системы управленія и ко всѣмъ тѣмъ учрежденіямъ, въ которыхъ можно подмѣтить слѣды англійскаго происхожденія, но совершенно не интересовался узнать что-нибудь объ экономическомъ развитіи или соціальной жизни въ Америкѣ.

Изъ другихъ отраслей знанія Фриманъ болѣе

или менѣе живо интересовался только тѣми, въ которыхъ онъ усматривалъ тѣсную связь съ исторіей въ его пониманіи, особенно же средневѣковою архитектурою, какъ внѣшнимъ выраженіемъ отдаленной эпохи, сравнительною филологіею и археологіею. Ко всему остальному онъ былъ равнодушенъ, въ томъ числѣ и къ литературѣ въ широкомъ смыслѣ. Изъ писателей онъ особенно не любилъ Платона, Карлейля и Рескина, не признавая ни въ одномъ изъ нихъ ничего привлекательнаго. Изъ современныхъ писателей его любимымъ авторомъ былъ Маколей, котораго онъ считалъ высшимъ образцомъ чистаго англійскаго стиля. Характерною для Фримана чертою была полная откровенность, съ которою онъ признавался въ своихъ антипатіяхъ. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, онъ былъ чрезвычайно простъ и правдивъ, никогда не стремясь показаться не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, и отказываясь понять, почему въ другихъ нѣтъ такой же простоты.

Если въ извѣстной степени ограниченъ былъ кругъ предметовъ, занимавшихъ Фримана, за-то велика была его преданность имъ. Даже два главныхъ интереса его практической жизни тѣсно связывались съ его исторической концепціей. Однимъ было участіе его, какъ почетнаго мирового судьи, въ мѣстномъ управленіи графства, въ кото-

ромъ онъ жилъ: онъ усердно посѣщалъ сессіи, собирающіяся по четвертямъ года, и, хотя мало говорилъ на засѣданіяхъ, очень дорожилъ участіемъ въ мѣстныхъ дѣлахъ. Другимъ интересомъ являлась для него текущая политика, особенно иностранная. Съ юныхъ лѣтъ онъ былъ убѣжденнымъ либераломъ и постоянно принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи очередныхъ вопросовъ въ области государственной и церковной политики. Когда въ 1886 г. Гладстонъ выработалъ планъ гормуля для Ирландіи, Фриманъ явился горячимъ сторонникомъ его. Но съ особенною страстностью выступилъ онъ съ протестомъ противъ туркофильской политики лорда Биконсфильда. Между прочимъ по этому поводу онъ порвалъ давнишнія отношенія свои съ журналомъ „Saturday Review“, который былъ на сторонѣ Турціи въ восточномъ вопросѣ Этотъ разрывъ лишалъ его не только заработка въ 600 ф. ст. (около 6,000 р.) въ годъ, — суммы для него весьма значительной, — но и того большого удовольствія, какое въ теченіе многихъ лѣтъ доставляла ему возможность высказываться въ этомъ журналѣ по разнымъ текущимъ вопросамъ.

Въ историческихъ трудахъ Фримана болѣе всего выступали любовь къ истинѣ и высокій уровень нравственнаго критерія. При оцѣнкѣ историческихъ личностей онъ готовъ былъ принять во вниманіе различныя условія времени, смягчающія

ихъ образъ дѣйствій, но онъ ненавидѣлъ жестокость, ложь, тиранію, проявлялись ли онѣ въ Сиракузахъ двадцать—четыре вѣка тому назадъ, или въ современной намъ Турціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Фриманъ отличался большою точностью въ своихъ историческихъ изысканіяхъ. Небрежность представлялась ему непростительнымъ недостаткомъ, и много разъ на страницахъ „Saturday Review" онъ рѣзко обличалъ недобросовѣстность авторовъ. Глубокій знатокъ англійской и европейской исторіи до XIV вѣка, онъ былъ также основательно знакомъ съ древнею исторіей и исторіей Европы до половины XVI вѣка, но въ отношеніи къ позднѣйшей эпохѣ, а также Индіи или Америкѣ знанія его немногимъ превышали уровень хорошо образованныхъ людей. И когда рѣчь заходила о вопросахъ новѣйшей исторіи, онъ добросовѣстно заявлялъ, что онъ „еще не дошелъ до этого періода".

Фриманъ не любилъ работать надъ рукописными источниками, главнымъ образомъ потому, что всю научную работу свою онъ предпочиталъ вести у себя дома. Въ виду того, что почти всѣ источники для тѣхъ періодовъ, которыми онъ занимался, напечатаны, привычка его работать въ своей собственной богатой библіотекѣ не подрывала основательности его трудовъ. При изученіи источниковъ онъ проявлялъ острый критическій талантъ и способность умѣло разбираться въ нихъ

Съ любовью относясь къ своимъ научнымъ работамъ, онъ умѣлъ не только вложить въ нихъ результаты тщательнаго изслѣдованія фактовъ, но и одухотворить изложеніе чертами какъ бы реальной жизни. У очень немногихъ изъ историковъ можно встрѣтить столь живыя картины политической жизни отдаленныхъ временъ.

Фриманъ отличался чисто тевтонскимъ трудолюбіемъ и плодовитостью. Послѣ него остались семь большихъ томовъ исторіи Норманскаго завоеванія и эпохи Вильгельма Рыжаго, четыре большихъ тома исторіи Сициліи, четыре объемистыхъ тома этюдовъ, девять или десять монографій по вопросамъ объ архитектурѣ, объ англійской конституціи, о Соединенныхъ Штатахъ, о славянахъ и туркахъ, да кромѣ того онъ напечаталъ за 1856—1876 гг. въ „Saturday Review“ массу статей, разсѣявшихъ немало ошибокъ и неясностей и пустившихъ въ общее обращеніе нѣкоторые изъ его взглядовъ.

Какъ профессоръ, Фриманъ не составилъ себѣ громкой славы. Это объясняется тѣмъ, что онъ вступилъ уже слишкомъ поздно въ новую сферу дѣятельности, требующую юношеской свѣжести, отчасти же тѣми неблагопріятными условіями, въ которыхъ приходится работать профессорамъ въ Оксфордѣ, гдѣ все регулируется системою экзаменовъ, на которую Фриманъ неустанно указывалъ,

какъ на пагубное для научнаго развитія условіе. По мнѣнію нѣкоторыхъ, съ другой стороны, по самому складу своего ума Фриманъ былъ неподходящимъ для каѳедры. При всемъ томъ онъ до конца своей жизни (онъ умеръ въ 1892 г) былъ украшеніемъ Оксфордскаго университета не только потому, что являлся живымъ примѣромъ неустаннаго рвенія, трудолюбія, любви къ истинѣ и свободѣ, но и потому, что имѣлъ благотворное вліяніе на занимающихся исторіей молодыхъ людей, которыми онъ любилъ окружать себя и которымъ охотно помогалъ своими совѣтами и нравственною поддержкою.

Многое изъ сказаннаго въ этомъ отношеніи о Фриманѣ приложимо, по мнѣнію Брайса, къ его знаменитому предшественнику по каѳедрѣ, Вильяму Стеббсу, котораго Фриманъ превозносилъ еще задолго до того, какъ выяснились передъ публикою выдающіяся достоинства этого изумительнаго ученаго. Стеббсъ не любилъ читать лекціи, и хотя онъ регулярно одинъ разъ въ годъ читалъ въ высшей степени содержательную „публичную лекцію“, онъ, какъ лекторъ, не производилъ сильнаго впечатлѣнія. Однако уже однимъ присутствіемъ своимъ въ университетѣ и постоянною готовностью дать просимое указаніе или совѣтъ Стеббсъ оказывалъ огромныя услуги научной работѣ Оксфорда. Сомнительно,—говоритъ

Брайсъ,—чтобы потеря, которую понесла исторія съ возведеніемъ Стеббса на епископскую каѳедру, была сколько-нибудь возмѣщена пріобрѣтеніемъ, какое получила англиканская церковь. Другіе, съ меньшими дарованіями, чѣмъ Стеббсъ, могли бы столь же хорошо выполнять девять—десятыхъ изъ обязанностей епископа, но ни въ Англіи, но пожалуй и во всей Европѣ, не нашлось бы ни одного, кто могъ бы продолжать его историческія изслѣдованія...

Суммируя свои замѣчанія о Фриманѣ, Брайсъ говоритъ: „Многое въ его работахъ уже выполнило свое назначеніе и постепенно изглаживается изъ вниманія публики; но многое останется жить и въ отдаленномъ будущемъ, потому что это многое сдѣлано основательно и заключаетъ въ себѣ столько здоровыхъ и бодрящихъ мыслей, что и грядущія поколѣнія изучающихъ исторію будутъ обращаться къ нимъ и будутъ цѣнить ихъ почти такъ же высоко, какъ цѣнило ихъ наше поколѣніе“.

VI.

Лордъ Актонъ.

Лордъ Актонъ, умершій въ іюнѣ 1902 г., былъ мало извѣстенъ публикѣ не только европейскаго континента, но и англійской; между тѣмъ въ кругу спеціалистовъ и особенно въ глазахъ людей, близко знавшихъ его, онъ являлся первоклассным ученымъ и такимъ знатокомъ исторіи, съ которымъ мало кто могъ соперничать въ обширности, разносторонности и глубинѣ знаній.

Лордъ Актонъ по отцу былъ родомъ изъ старинной католической семьи въ графствѣ Шропширъ, а мать его была нѣмка, послѣдняя представительница древняго и богатаго рода Дальбергъ, изъ Прирейнской области. Эдуардъ Эмрикъ Дальбергъ-Актонъ родился въ 1834 г.; воспитаніе получилъ въ Оскоттѣ, въ одномъ изъ главныхъ католическихъ колледжей Англіи, находившемся въ то время подъ управленіемъ Вайзмана (впослѣд-

ствіи кардинала и архіепископа вестминстерскаго). Въ юности на развитіе духовнаго склада и убѣжденій Актона огромное вліяніе оказалъ знаменитый Деллингеръ, вмѣстѣ съ которымъ онъ штудировалъ въ Мюнхенѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Съ 1859 по 1865 г. Актонъ былъ членомъ палаты общинъ, а въ 1869 г. при содѣйствіи Гладстона, съ которымъ его связывали дружескія отношенія, онъ былъ возведенъ въ званіе пэра. Но особенно дѣятельнаго участія въ политической жизни и въ дебатахъ обѣихъ палатъ онъ не принималъ. Единственнымъ служебнымъ постомъ, который онъ занималъ въ политическомъ мірѣ, было званіе состоящаго при королевѣ (Lord-in-Waiting) въ министерствѣ 1892 г. Послѣднія шесть—семь лѣтъ Актонъ занималъ каѳедру исторіи въ Кэмбриджскомъ университетѣ, явившись преемникомъ сэра Джона Силей (sir J. Seeley).

Въ противоположность большинству англійскихъ католиковъ, онъ былъ либераломъ того чистаго типа либерализма, которымъ характеризовалось это направленіе въ Англіи въ 1846—1885 гг. Онъ былъ убѣжденнымъ гомрулеромъ еще задолго до перемѣны во взглядахъ Гладстона по этому вопросу. Признаніе гомруля покоилось у него на горячемъ убѣжденіи въ томъ благодѣтельномъ значеніи, какое имѣетъ самоуправленіе для воспитанія и развитія политическихъ способностей на-

рода, и въ томъ, что національныя стремленія могутъ получить благотворное направленіе при условіи свободнаго ихъ развитія, тогда какъ стѣсненіе его можетъ, наоборотъ, сопровождаться пагубными и опасными послѣдствіями. Съ другой стороны, и въ основаніи его либерализма лежало убѣжденіе въ томъ, что свобода есть лучшая основа устойчивости государственнаго строя и благоденствія народа. Вѣра въ благодѣтельность свободы,—говорилъ онъ,—есть одно изъ самыхъ очевидныхъ и поучительныхъ заключеній, къ которымъ привело его изученіе исторіи. Этихъ убѣжденій онъ рѣшительно держался и въ чисто политической области, и въ отношеніи къ религіознымъ вопросамъ, выступивъ вмѣстѣ съ Деллингеромъ горячимъ противникомъ догмата папской непогрѣшимости въ эпоху Ватиканскаго собора (1870 г.) оппозиціонные члены котораго немало пользовались для своей аргументаціи содѣйствіемъ лорда Актона.

Характеризуя Актона какъ ученаго, Брайсъ говоритъ, что онъ представлялъ собою „чудо эрудиціи“ (was a miracle of learning). Познанія его въ области гуманныхъ наукъ были изумительны. „Ученая работа была его жизненною потребностью“. Одаренный изумительною памятью, онъ отличался и неутомимымъ трудолюбіемъ. Гдѣ бы онъ ни былъ,—въ Лондонѣ, въ Каннѣ зимою, на Тегернскомъ

озерѣ лѣтомъ, въ Виндзорѣ или Осборнѣ при королевѣ, въ послѣдніе годы въ Кэмбриджѣ въ періодъ занятій въ университетѣ,—онъ работалъ не менѣе восьми часовъ въ день. Но онъ особенно поражалъ обширностью и основательностью своихъ знаній. При чрезвычайной разносторонности, его знанія отличались большою глубиною и обнимали многія темныя области, за изученіе которыхъ берутся въ наши дни очень немногіе. Хотя и менѣе детальныя въ отношеніи къ древнему міру и средневѣковому періоду, сравнительно съ болѣе новымъ временемъ, его знанія охватывали, можно сказать, всю область исторіи, какъ гражданской, такъ и церковной, а по эпохѣ Возрожденія и Реформаціи были поразительными по своей полнотѣ и точности. Они обнимали также не только древнее богословіе, но и новѣйшую критическую работу по изученію Библіи. Они обнимали и метафизику и не только метафизику въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, но и абстрактную сторону экономики, и ту философію права, которой нѣмцы придаютъ такое значеніе. Съ большинствомъ тѣхъ ученыхъ, которые стояли во главѣ научнаго движенія въ этихъ областяхъ за послѣдніе полвѣка, съ такими людьми, какъ Ранке и Фюстель де-Куланжъ въ исторіи, Вильгельмъ Рошеръ въ области экономической науки, Адольфъ Гарнакъ въ области богословія—онъ находился въ близкихъ личныхъ отношеніяхъ и

стоялъ на одномъ съ ними уровнѣ знаній въ каждой изъ этихъ спеціальностей.. Онъ былъ въ курсѣ почти всей европейской и американской литературы, сколько-нибудь относящейся къ области исторіи и политической теоріи, читая нерѣдко такія работы, которыя его менѣе трудолюбивые друзья считали нестоящими вниманія. Едва ли нужно говорить, что друзья его находили въ немъ неоцѣнимаго руководителя по литературѣ любого предмета. Особевно въ области исторіи можно было смѣло признать, что книга, которой онъ не зналъ, не заслуживаетъ прочтенія, тогда какъ онъ часто могъ указать, какъ на достойную вниманія, на работу, о которой его собесѣдникъ при всѣхъ своихъ познаніяхъ по данному предмету никогда не слыхалъ. Одно время у лорда Актона было четыре библіотеки — самая большая въ его родовомъ помѣстьѣ Ольденгамъ, въ Шропширѣ, остальныя на Тегернскомъ озерѣ, въ Каннѣ и въ Лондонѣ,—и онъ почти безошибочно могъ сказать, гдѣ именно данная книга находится. Богатѣйшая ольденгамская библіотека послѣ смерти лорда Актона была куплена извѣстнымъ Карнеги, который подарилъ ее Джону Морлею, а послѣдній принесъ ее въ даръ Кэмбриджскому университету.

Жажда пріобрѣтенія все новыхъ знаній въ значительной степени парализовала творчество лорда Актона. Не напрасно Деллингеръ сказалъ

о немъ, что онъ не дастъ ни одной крупной работы, если не напишетъ ея до наступленія сорокалѣтняго возраста. Актонъ увѣрялъ себя, что онъ не можетъ написать что-нибудь по извѣстному предмету, пока не перечитаетъ всего или почти всего написаннаго другими. Онъ усвоилъ себѣ обыкновеніе дѣлать извлеченія изъ книгъ, имъ читанныхъ, и эти извлеченія, написанныя мелкимъ четкимъ почеркомъ, систематизировалъ, складывая ихъ по карточной системѣ въ картонные ящики. Послѣ него остались сотни такихъ ящиковъ; хотя въ нихъ, безъ сомнѣнія, сохранилось много цѣннаго, но время, затраченное на эту работу по извлеченію существеннаго изъ каждой книги, онъ могъ бы съ большею пользою для другихъ посвятить изложенію своихъ мыслей. Если вникнуть въ цитаты къ его вступительной лекціи, то нельзя не подмѣтить, что многія изъ нихъ показываютъ лишь, какъ извѣстная идея можетъ быть выражена различными лицами. Читая какую-нибудь статью Актона, снабженную массою цитатъ, нерѣдко видишь, что его изложеніе и по существу, и по формѣ значительно лучше того, что онъ извлекъ у своихъ предшественниковъ. Съ теченіемъ времени, — замѣчаетъ по этому поводу Брайсъ, — становится очевиднымъ, что для историка въ его научной работѣ важно знать, чѣмъ слѣдуетъ пренебречь, ибо въ наше время стало невозможно

исчерпать литературу большинства предметовъ, а въ отношеніи къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ—исчерпать хотя бы одни первоисточники. Но какъ узнать, чѣмъ слѣдуетъ пренебречь, не подвергнувъ отвергаемое хотя бѣглому обзору? Актонъ не хотѣлъ пренебрегать ничѣмъ, и въ результатѣ своего стремленія къ полнотѣ онъ усвоилъ себѣ такой пріемъ научной работы, который разсчитанъ какъ бы на три жизни.

Ни одинъ изъ первоклассныхъ ученыхъ не оставилъ по себѣ такъ мало произведеній, по которымъ потомство могло бы судить объ его дарованіяхъ. Въ молодые годы, когда онъ редактировалъ „Home and Foreign Review“ и сотрудничалъ въ „Rambler“ и „North British Review“, онъ писалъ много, и даже между 1868 и 1890 гг. онъ напечаталъ нѣсколько историческихъ этюдовъ и рядъ писемъ безъ подписи. Однако съ теченіемъ времени въ немъ все болѣе развивалась неохота къ творчеству Въ 1890 г., уступая настояніямъ друзей, онъ далъ обѣщаніе издать свои этюды отдѣльнымъ томомъ, но затѣмъ, уже пересмотрѣвъ и дополнивъ эти этюды, онъ все-таки не издалъ ихъ. Въ 1882 г. онъ составилъ планъ большой работы по исторіи свободы, но и этого плана онъ не привелъ въ исполненіе.

Университетскую каѳедру онъ, какъ и Фриманъ, занялъ слишкомъ поздно для того, чтобы развить

въ себѣ искусство плавной и живой устной передачи знаній аудиторіи, да и по основнымъ свойствамъ своей духовной натуры онъ былъ мало подходящъ для каѳедры. Однако по существу лекціи лорда Актона, которыя онъ читалъ по рукописи, были образцомъ яснаго и обстоятельнаго изложенія, проникнутаго глубокою мыслью Съ другой стороны, онъ всегда охотно приходилъ на помощь молодымъ ученымъ, обращавшимся къ нему за совѣтами и указаніями. Ихъ поражало величіе его эрудиціи. Брайсъ приводитъ слѣдующій отзывъ одного изъ нихъ: „Слушая отвѣтъ лорда Актона на поставленный ему вопросъ, я чувствовалъ, что стою какъ-будто передъ величественною пирамидою. Я отчетливо видѣлъ вершину ея, но я видѣлъ ясно и ту громаду солидныхъ знаній, которыя лежали въ ея основаніи".

Преклоняясь передъ изумительною эрудиціею лорда Актона, друзья его не могли не испытывать сожалѣнія, что вліяніе его идей, его духа не распространилось шире, не вылившись въ произведенія, которые остались бы жить [1]). Его судьба,—го-

[1]) Уже послѣ выхода въ свѣтъ біографическихъ этюдовъ Брайса въ англійскихъ критическихъ журналахъ появилось извѣстіе, что вскорѣ будетъ изданъ курсъ лекцій лорда Актона о французской революціи въ связи съ новымъ періодомъ европейской исторіи. Изданъ онъ будетъ фирмою Macmillan подъ заглавіемъ—Lectures on the French Revolution and on General Modern History, въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора.

ворить Брайсъ,—напоминаетъ судьбу „растенія, невѣдомаго за предѣлами отдаленнаго острова, на которомъ оно растетъ и къ которому рѣдко пристаютъ корабли Немногимъ удается увидѣть красоту цвѣтка, и онъ умираетъ прежде, чѣмъ можно было собрать сѣмена и посѣять ихъ въ воспріимчивую почву“..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Лордъ Биконсфильдъ	8
В. Э Гладстонъ	45
Ч. Парнель	72
Д Р. Гринъ	93
Э. Фриманъ	107
Лордъ Актонъ	115